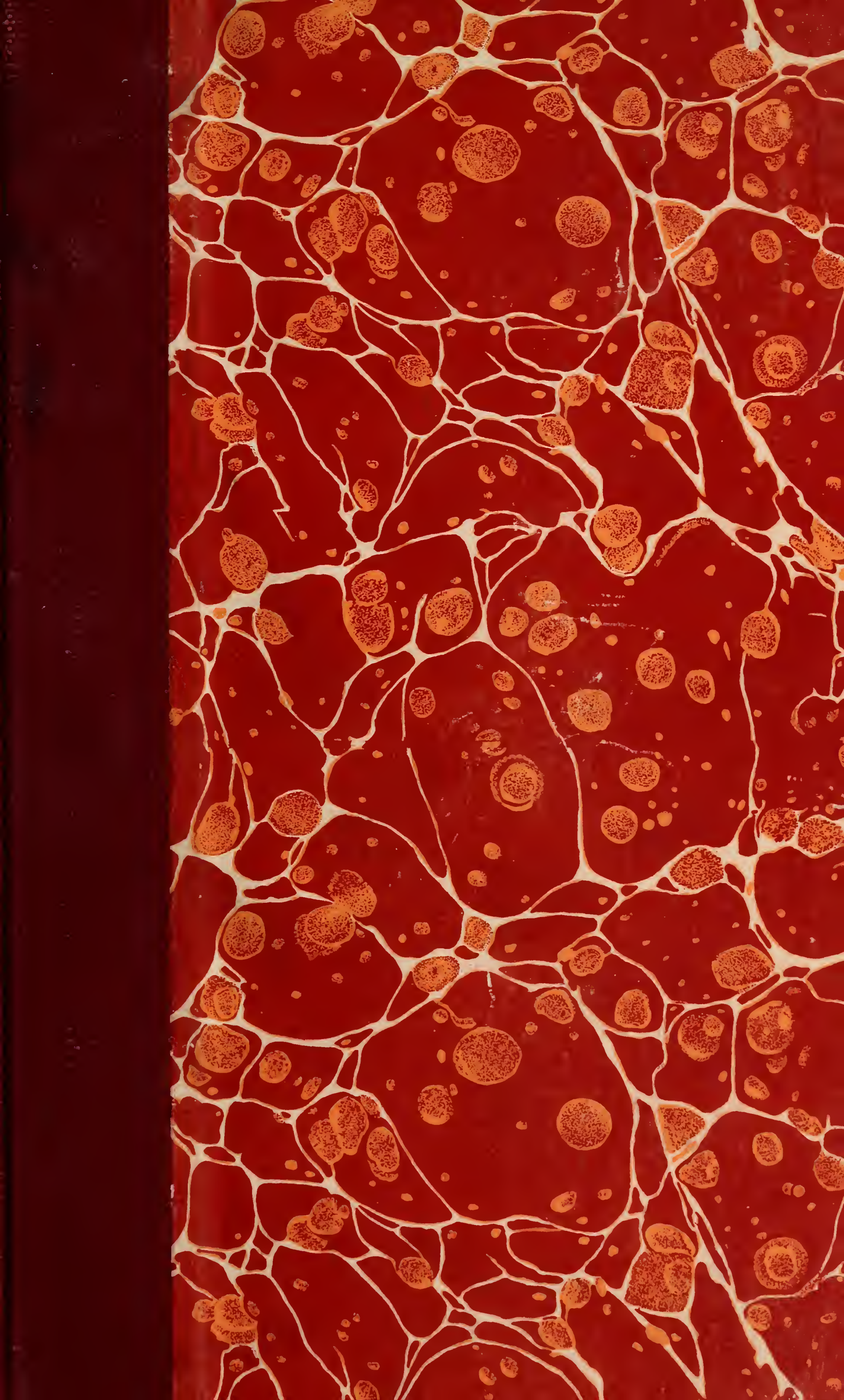

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

СТИХОТВОРЕНІЯ

Shenshin Afanasii Afanas'evich

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. А. ФЕТА.

Санктпетербургъ.

—

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 11-го февраля 1856 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

Собраніе стихотвореній предлагаемое читателю составилось вслѣдствіи строгаго выбора между произведеніями, уже изданными автором. Многія изъ нихъ подверглись поправкамъ и сокращеніямъ; нѣкоторыя, новыя, прибавлены. Авторъ надѣется, что въ теперешнемъ своемъ видѣ, онѣ болѣе прежняго достойны благосклоннаго вниманія публики и безпристрастной критической оцѣнки.

С. Петербургъ.
Февраль 1856.

ЭЛЕГІИ.

I.

О, долго буду я, въ молчаньи ночи тайной,
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайной,
Перстамъ послушную волосъ густую прядь
Изъ мыслей изгонять, и снова призывать;
Дыша порывисто, одинъ, ни кѣмъ не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты;
Шептать и поправлять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьяненіи, наперекоръ уму,
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму.

II.

Когда мои мечты за гранью прошлыхъ дней
Найдутъ тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, какъ первый Іудей
На рубежѣ земли обѣтованной.
Не жаль мнѣ дѣтскихъ игръ, не жаль мнѣ тихихъ сновъ,
Тобой такъ сладостно и больно возмущенныхъ
Въ тѣ дни, какъ постигалъ я первую любовь,
По бунту чувствъ неугомонныхъ,
По сжатію руки, по отблеску очей,
Сопровождаемыхъ то вздохами, то смѣхомъ,
По ропоту простыхъ, незначащихъ рѣчей,
Лишь намъ звучавшихъ страсти эхомъ

III.

Когда мечтательно я преданъ тишинѣ
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвѣздія заблещутъ въ вышинѣ
И сномъ у Аргуса начнутъ смыкаться очи,
И близокъ часъ уже, условленный тобой,
И ожиданіе съ минутой возрастаетъ
И я стою уже безумный и нѣмой,
И каждый звукъ ночной смущеннаго пугаетъ;
И нетерпѣніе сосетъ больную грудь,
И ты идешь одна украдкой, озираясь,
И я спѣшу въ лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное... и тихо, улыбаясь,
Ты на слова любви мнѣ говоришь — люблю!
А я безсвязныя связать стараюсь рѣчи,
Дыханьемъ пламеннымъ дыханіе ловлю,
Цалую волоса душистыя и плечи,
И долго слушаю, какъ ты молчишь... и мнѣ
Ты предаешься вся для страстнаго лобзанья, —
О, другъ! какъ счастливъ я, какъ счастливъ я вполнѣ!
Какъ жить мнѣ хочется до новаго свиданья!

IV.

Постой! здѣсь хорошо! зубчатой и широкой
Каймою тѣнь легла отъ сосенъ въ лунный свѣтъ...
Какая тишина! Изъ-за горы высокой
Сюда и доступа мятежнымъ звукамъ нѣтъ.
Я не пойду туда, гдѣ камень вѣроломный,
Скользя изъ-подъ пяты съ отвѣсныхъ береговъ,
Летитъ на хрящъ морской; гдѣ въ морѣ валъ огромный
Придетъ — и убѣжитъ въ объятія валовъ.
Одна передо мной, подъ мирными звѣздами,
Ты здѣсь, царица чувствъ, властительница думъ..
А тамъ придетъ волна — и грянетъ между нами...
Я не пойду туда... Тамъ вѣчный плескъ и шумъ!

V.

Странное чувство какое-то въ нѣсколько дней овладѣло
Тѣломъ моимъ и душой, цѣлымъ моимъ существомъ.
Радость и свѣтлая грусть, благотворный покой и желанья
Детскія, рѣзвыя, — самъ даже понять не могу.
Вотъ хоть теперь посмотрю за окно на веселую зелень
Вешнихъ деревьевъ, да вдругъ вѣтеръ ко мнѣ донесетъ
Утренній запахъ цвѣтовъ, и птичекъ звонкія пѣсни:
Такъ бы и бросился въ садъ, съ кликомъ: пойдемъ же, пойдемъ!
Да какъ взгляну на тебя, какъ усѣлась ты тамъ безмятежно
Подлѣ окошка, склоня иглы рѣсницъ на канву,
То ужь не въ силахъ ничѣмъ я шевельнуться, а только
Всю озираю тебя, всю — отъ пробора волосъ,
До перекладины пялецъ, гдѣ вольно, легко и уютно,
Складки раздвинувъ, прильнулъ маленькой ножки носокъ.
Жалко... да нѣтъ — хорошо, что никто не видалъ, какъ взглянула

Ты на сестрицу, когда та приходила сюда
Куклу свою показать. Право, мнѣ кажется, всѣхъ бы
Васъ мнѣ хотѣлось обнять. Даже и братъ твой, шалунъ,
Что изучаетъ грамматику въ комнатѣ ближней, мнѣ
дорогъ.
Можно ль такъ ложно его вещи учить понимать?
Какъ отворялися двери, разслушать я могъ, что учитель
Каждый отдѣльный глаголъ пряталъ въ отдѣльный за-
логъ:
Онъ говорилъ, что любить есть дѣйствіе — не со-
стоянье.
Нѣтъ, достохвальный мудрецъ, здѣсь ты не видишь ни
зги....
Я говорю, что любить — состоянье, еще и какое!
Чудное, полное нѣгъ!... Дай Богъ намъ вѣчно любить!

VI.

Я знаю, гордая, ты любишь самовластье;
Тебя, въ ревнивомъ снѣ, томитъ чужое счастье;
Свободы смѣлый ликъ и томный взоръ любви
Манятъ на-перерывъ желанія твои.
Чрезъ всю толпу рабовъ у пышной колесницы
Я взглядъ лукавый твой подъ бархатомъ рѣсницы
Давно прочелъ, давно, и разгадалъ съ тѣхъ поръ,
Гдѣ жертву новую твой выбираетъ взоръ...
Несчастный юноша! давно ль, веселья полный,
Скользилъ его челнокъ, разталкивая волны!
Смотри, какъ счастливъ онъ, какъ воленъ... онъ ничей;
Лобзаетъ вѣтръ одинъ руно его кудрей.
Рука, окрѣпшая въ трудѣ однообразномъ,
Минула берега манящіе соблазномъ.
Но горе! ты поешь; на зыбкое стекло,
Изъ ослабѣвшихъ рукъ упущено весло;
Онъ скованъ — ты поешь, ты блещешь красотою,
Для взоровъ — божество, — сирена подъ водою.

VII.

Ея не знаетъ свѣтъ — она еще ребенокъ;
Но очеркъ головы у ней такъ чистъ и тонокъ,
И столько томности во взглядѣ кроткихъ глазъ,
Что дѣтства мирнаго послѣдній близокъ часъ.
Дохнетъ тепло любви: младенческое око
Лазурнымъ пламенемъ засвѣтится глубоко
И гребень, ласково разборчивъ, будто самъ
Пойдетъ медлительнѣй по пышнымъ волосамъ,
Персты румяные, блѣднѣя, подлиннѣютъ
Блаженъ, кто замѣчалъ, какъ постепенно зрѣютъ
Златыя гроздія, и зналъ, что виноградъ
Сбирая, онъ вопьетъ ихъ сладкій ароматъ!

VIII.

Эхъ, шутка-молодость! какъ новый ранній снѣгъ,
Всегда и чистъ и свѣжъ. Царица тайныхъ нѣгъ,
Луна зеркальная надъ древнею Москвою
Одну выводитъ ночь блестящей за другою.
Что, всѣ ли улеглись, уснули? Не пораль?..
На сердцѣ жаръ любви и трепетъ и печаль!..
Бѣгу!... Далекія, какъ бы въ вознагражденье,
Шлютъ звѣзды въ инеѣ свое изображенье.
Въ сіяньи полночи безмолвенъ сонъ Кремля;
Подъ быстрою стопой промерзлая земля
Звучитъ, и по крутой, хотя недавней стужѣ,
Доходитъ бой часовъ прерывистѣй и туже.
Бѣгу! Нигдѣ огня, — сосѣди полегли.
И каждый звукъ шаговъ, раздавшійся вдали,
Иль тѣни на стѣнѣ блестящей колыханье
Мнѣ напрягаетъ слухъ, прервавъ мое дыханье.

IX.

Лозы мои за окномъ разрослись живописно и даже
Свѣтъ отнимаютъ. Смотри, вотъ половина окна
Верхняя темною зеленью листьевъ покрыта; межъ ними
Будто нарочно въ окнѣ кисть начинаетъ желтѣть.
Милая! полно, не трогай!... Къ чему этотъ духъ разрушенья!
Ты доставать виноградъ высунешь руку на дворъ —
Бѣлую, полную ручку легко распознаютъ сосѣди,
Скажутъ: она у него въ комнатѣ тайно была.

X.

Не говори, мой другъ: «Она меня забудетъ,
«Измѣнчивъ времени всемощнаго полетъ:
«Измученной души напрасный жаръ пройдетъ
«И образъ роковой преслѣдовать не будетъ
«Очей задумчивыхъ. Свободнѣй и смѣлѣй
«Вздохнетъ младая грудь; замедленныхъ рѣчей
«Польется снова токъ блистательный и сладкой,
«Ланиты разцвѣтутъ — и въ зеркало, украдкой,
«Невольно станетъ взоръ съ вопросомъ забѣгать:
«Опять весна въ груди — и счастье опять!»
Мой милый, не лѣлѣй прекраснаго обмана;
Въ душѣ мечтательной смертельна эта рана.
Видалъ ли ты въ лѣсахъ, подъ тѣнію дубовъ
Съ винтовками въ рукахъ засѣвшихъ шалуновъ,
Когда съ холмовъ крутыхъ, окрестность оглашая,
Несется горячо согласныхъ гончихъ стая —
И празднымъ юношамъ Дріадъ жестокихъ дань,
Уже изъ-за кустовъ выскакиваетъ лань?
Вотъ-вотъ — и выстрѣлы... и въ переливахъ дыма,
Еще быстрѣе лань, какъ будто невредима,

Проклятьямъ вопреки и хохоту стрѣлковъ,
Уносится во мглу безбрежную лѣсовъ…
Но ловчій опытный ужь на позывъ побѣдный
Къ сомкнувшимся губамъ рожокъ подноситъ мѣдный.

XI.

Не спится. Дай зажгу свѣчу. Къ чему читать?
Вѣдь снова не пойму я ни одной страницы —
И яркій, бѣлый свѣтъ начнетъ въ глазахъ мелькать,
И ложныхъ призраковъ заблещутъ вереницы!
За чтожъ? Что сдѣлалъ я? Чѣмъ грѣшенъ предъ тобой?
Уже ли помыселъ мнѣ долженъ быть укоромъ —
Что такъ язвительно смѣется призракъ твой
И смотритъ на меня такимъ тяжелымъ взоромъ!

ПОДРАЖАНІЯ ВОСТОЧНОМУ.

I.

Я люблю его жарко: онъ тигромъ въ бою
Нападаетъ на хищныхъ враговъ;
Я люблю въ немъ отраду, награду мою
И потомка великихъ отцевъ.

Кто бы ни былъ ты, странникъ, простой иль купецъ,
Ни овцы, ни верблюда не тронь!
Отъ кобылъ Мугаммеда его жеребецъ,
Чтó небесный огонь этотъ конь.

Только мирный пришлецъ нагибайся въ шатеръ
И одежду дорожную скинь;
На услугу и ласку онъ ловокъ и скоръ;
Онъ бадья при колодцѣ пустынь.

Будто мѣсяцъ надъ кедромъ бѣлѣетъ чалма
У него средь широкихъ степей.
Я люблю, и никто — ни Фатима сама —
Не любила пророка сильнѣй.

II.

Не дивись, что я черна,
Опаленная лучами;
Посмотри, какъ я стройна
Между старшими сестрами.

Оглянись: сошла вода,
Зимній дождь не хлещетъ болѣ;
На горахъ опять стада
И оратай вышелъ въ поле.

Розой горъ меня зови;
Ты красой моей ужаленъ,
И цвѣту я для любви,
Для твоихъ опочиваленъ.

Цѣлый міръ пахнулъ весной,
Тайный жаръ владѣетъ дѣвой;
Я прильну къ твоей десной,
Ты меня обнимешь лѣвой.

Я пройду къ тебѣ въ ночи
Незамѣтными путями;
Отопрись — и опочій
У меня между грудями.

КЪ ОФЕЛІИ.

I.

Не здѣсь ли ты легкою тѣнью,
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ,
Бесѣдуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокругъ?
И робкимъ даришь вдохновеньемъ,
И сладкій врачуешь недугъ,
И тихимъ даришь сновидѣньемъ,
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ...

II.

Я боленъ, Офелія, милый мой другъ!
Ни въ сердцѣ, ни въ мысли нѣтъ силы.
О, спой мнѣ, какъ носится вѣтеръ вокругъ
Его одинокой могилы.
Душѣ раздраженной и груди больной
Понятны и слезы и стоны.
Про иву, про иву зеленую спой,
Про иву сестры Дездемоны.

III.

Какъ Ангелъ неба безмятежный,
Въ сіяньи тихаго огня,
Ты помолись душою нѣжной
И за себя и за меня.
Ты отъ меня любви словами
Сомнѣнья духа отжени
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осѣни.

СНѢГА.

I.

На пажитяхъ нѣмыхъ люблю въ морозъ трескучій
При свѣтѣ солнечномъ я снѣга блескъ колючій,
Лѣса подъ шапками иль въ инеѣ сѣдомъ,
Да рѣчку звонкую подъ темносинимъ льдомъ.
Какъ любятъ находить задумчивые взоры
Завѣянные рвы, навѣянныя горы,
Былинки сонныя среди нагихъ полей,
Гдѣ холмъ причудливый, какъ нѣкій мавзолей
Изваянъ полночью — иль тучи вихрей дальныхъ
На бѣлыхъ берегахъ и полыньяхъ зеркальныхъ.

II.

Знаю я, что ты, малютка,
Лунной ночью не робка:
Я на снѣгѣ вижу утромъ
Легкій оттискъ башмачка.
Правда, ночь при свѣтѣ лунномъ
Холодна, тиха, ясна;
Правда, ты не даромъ, другъ мой,
Покидаешь ложе сна.
Бриллiанты въ свѣтѣ лунномъ,
Бриллiанты въ небесахъ,
Бриллiанты на деревьяхъ,
Бриллiянты на снѣгахъ.
Но, бóюсь я, другъ мой милый,
Какъ бы въ вихрѣ духъ ночной
Не завѣялъ бы тропинку,
Проложенную тобой.

III.

Вотъ утро сѣвера — сонливое, скупое,
Лѣниво смотрится въ окно волоковое;
Въ печи трещитъ огонь — и сѣрый дымъ ковромъ
Тихонько стелется надъ кровлею съ конькомъ.
Пѣтухъ заботливый, копаясь на дорогѣ,
Кричитъ... а дѣдушка брадатый на порогѣ
Кряхтитъ и крестится схватившись за кольцо,
И хлопья бѣлыя летятъ ему въ лицо...
И полдень настаетъ. Но, Боже! какъ люблю я,
Какъ тройкою ямщикъ кибитку удалую
Промчитъ — и скроется... И долго, мнится мнѣ,
Звукъ колокольчика трепещетъ въ тишинѣ.

IV.

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.
Какъ гроздья винограда
Вѣтвей концы висятъ,
И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.
Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу вѣтвей.

V.

Котъ поетъ, глаза прищуря,
Мальчикъ дремлетъ на коврѣ,
На дворѣ играетъ буря,
Вѣтеръ свищетъ на дворѣ.
«Полно тутъ тебѣ валяться,
Спрячь игрушки, да вставай!
Подойди ко мнѣ прощаться,
Да и спать себѣ ступай.»
Мальчикъ всталъ. А котъ глазами
Поводилъ и все поетъ;
Въ окна снѣгъ валитъ клоками,
Буря свищетъ у воротъ.

VI.

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна:
Бѣлая равнина,
Полная луна,
Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій снѣгъ,
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ.

VII.

Ночь свѣтла, морозъ сіяетъ,
Выходи — снѣжокъ хруститъ;
Пристяжная озябаетъ
И на мѣстѣ не стоитъ.
Сядемъ — полость застегну я, —
Ночь свѣтла и ровенъ путь.
Ты ни слова — замолчу я, —
И пошелъ куда нибудь!

VIII.

На двойномъ стеклѣ узоры
Начертилъ морозъ,
Шумный день свои дозоры
И гостей унесъ;
Смолкнулъ яркій говоръ сплетней,
Скучный голосъ дня:
Благодатнѣй и привѣтнѣй
Все кругомъ меня.
Предъ горящими дровами
Сядемъ — тамъ тепло.
Мѣсяцъ быстрыми лучами
Пронизалъ стекло.
Ты хитрила, ты скрывала,
Ты была умна;
Ты давно не отдыхала,
Ты утомлена.
Полонъ нѣжнаго волненья,
Сладостной мечты,
Буду ждать успокоенья
Чистой красоты.

ГАДАНІЯ.

I.

Зеркало въ зеркало, съ трепетнымъ лепетомъ,
    Я при свѣчахъ навела,
Въ два ряда свѣтъ — и таинственнымъ трепетомъ
    Чудно горятъ зеркала.
Страшно припомнить душой оробѣлою:
    Тамъ за спиной нѣтъ огня...
Тяжкое что-то надъ шеею бѣлою,
    Плаваетъ, давитъ меня!
Ну, какъ уставятъ гробами дубовыми
    Весь этотъ рядъ между свѣчь?
Ну, какъ лохматый съ глазами свинцовыми
    Выглянетъ вдругъ изъ за плечь?
Ленты да радуги, ярче и жарче дня...
    Духъ захватило въ груди...
Суженый! золото, сѐребро!... Чуръ меня,
    Чуръ меня — сгинь, пропади!

II.

Полно смѣяться! что́ это съ вами?
Точно базаръ!
Какъ загудѣло! словно пчелами
Полонъ анбаръ.
«Чу! не стучите! кто-то шагаетъ
Вдоль закромовъ....
Сыплетъ да сыплетъ, пересыпаетъ
Рожь изъ мѣшковъ.
Сыплетъ орѣхи, деньги считаетъ,
Шубой шумитъ,
Всѣмъ надѣляетъ, все обѣщаетъ,
Только сердитъ.»
Ну, а тебѣ что? «Тише, сестрицы!
Что-то несутъ:
Такъ и трясутся всѣ половицы...
Что-то поютъ;
Гробъ забиваютъ крышей большою,
Кто-то завылъ!
Страшно, сестрицы! знать надо мною
Шутъ подшутилъ.»

III.

Помню я: — старушка няня
Мнѣ въ рожественской ночи
Про судьбу мою гадала,
При мерцаніи свѣчи,
И на картахъ выходили
Интересы да почетъ.
Няня, няня! Ты ошиблась,
Обманулъ тебя расчетъ;
Но за то я такъ влюбился,
Что приходится не въ мочь...
Погадай мнѣ, другъ мой няня,
Нынче святочная ночь.
Что? Не будетъ ли свиданья,
Разговоровъ иль письма?
Выйдетъ пиковая дама
Иль бубновая сама?
Няня добрая гадаетъ,
Грустно голову склоня;
Свѣчка тихо нагораетъ,
Сердце бьется у меня.

IV.

Перекрестокъ, гдѣ ракитка
 И стоитъ и спитъ....
Тихо ветхая калитка
 За плетнемъ скрыпитъ.
Кто-то крадется сторонкой ,
 Санки пробѣгутъ...
И вопросъ раздастся звонкой :
 Какъ тебя зовутъ?...

МЕЛОДІИ.

I.

Не отходи отъ меня,
Другъ мой, останься со мной!
Не отходи отъ меня:
Мнѣ такъ отрадно съ тобой....

Ближе другъ къ другу чѣмъ мы,
Ближе нельзя намъ и быть;
Чище, живѣе, сильнѣй,
Мы не умѣемъ любить.

Если же ты предо мной
Грустно головку склоня,
Мнѣ такъ отрадно съ тобой:
Не отходи отъ меня!

II.

Тихая, звѣздная ночь
Трепетно свѣтитъ луна:
Сладки уста красоты
Въ тихую звѣздную ночь.

Другъ мой! въ сіяньи ночномъ
Какъ мнѣ печаль превозмочь?...
Ты же свѣтла, какъ любовь
Въ тихую, звѣздную ночь.

Другъ мой, я звѣзды люблю —
И отъ печали не прочь....
Ты же еще мнѣ милѣй
Въ тихую, звѣздную ночь.

III.

Буря на небѣ вечернемъ,
Моря сердитаго шумъ —
Буря на мо́рѣ и думы,
Много мучительныхъ думъ —
Буря на мо́рѣ и думы,
Хоръ возрастающихъ думъ —
Черная туча за тучей,
Моря сердитаго шумъ.

IV.

NOCTURNO.

Ты спишь одинъ, забытъ на мѣстѣ дикомъ,
Старинный монастырь!
Твой сводъ упалъ; кругомъ летаютъ съ крикомъ
Сова и нетопырь.

И стеколъ нѣтъ, и свищетъ вихорь ночи
Во впадину окна,
Да плющь растетъ, да устремляетъ очи
Полночная луна.

И кто-то тамъ мелькаетъ въ свѣтѣ лунномъ,
Блеститъ его уборъ —
И слышатся на по́мостѣ чугунномъ
Шаги и звуки шпоръ.

И грустную симфонію печали
Звучитъ во тьмѣ органъ...
То тихо все, какъ будто вѣчно спали
И стѣны и органъ.

V.

Теплымъ вѣтромъ потянуло,
Смолкъ далекій гулъ...
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщикъ уснулъ.
Въ загородкѣ улеглися
И жуютъ волы,
Звѣзды чистыя зажглися
По навѣсу мглы.
Только выше все всплываетъ
Мѣсяцъ золотой,
Только стадо обѣгаетъ
Песъ сторожевой.
Рѣдко, рѣдко кочевая
Тучка броситъ тѣнь...
Неподвижная, нѣмая
Ночь свѣтла какъ день.

VI.

Если зимнее небо звѣздами горитъ
И мечтательно свѣтитъ луна,
Предо мною твой образъ, твой дивный скользитъ,
Словно ты изъ лучей создана.
И свѣтла и легка, ты несешься туда...
Я гляжу и молю хоть слѣдовъ ..
И свѣтла и легка — но зато ни слѣда;
Только грудь обуяетъ любовь.
И летѣлъ бы, летѣлъ за красою твоей,
И пускай въ небѣ звѣзды горятъ,
И быстрѣй и свѣтлѣй миріады лучей
На пылинки ночныя глядятъ!

VII.

Полуночные образы рѣютъ,
Блещутъ искрами ярко въ потьмахъ;
Но глаза различить не умѣютъ,
Много ль ихъ на тревожныхъ крылахъ.
Полуночные образы стонутъ,
Какъ больной въ утомительномъ снѣ,
И всплываютъ, и стонутъ, и тонутъ;
Но о чемъ это стонутъ онѣ?
Полуночные образы воютъ,
Какъ духовъ испугавшійся пёсъ;
То́ нахлынутъ, то́ бездну откроютъ,
Какъ волна обнажаетъ утесъ.

VIII.

Я долго стоялъ неподвижно,
Въ далекіе звѣзды вглядясь, —
Межъ тѣми звѣздами и мною
Какая-то связь родилась.
Я думалъ... не помню, что думалъ;
Я слушалъ таинственный хоръ,
И звѣзды тихонько дрожали,
И звѣзды люблю я съ тѣхъ поръ...

IX.

Шумѣла полночная вьюга
Въ лѣсной и глухой сторонѣ;
Мы сѣли съ ней другъ подлѣ друга —
Валежникъ свисталъ на огнѣ.
И нашихъ двухъ тѣней громады
Лежали на красномъ полу,
А въ сердцѣ ни искры отрады
И нечѣмъ прогнать эту мглу!
Березы скрипятъ за стѣною,
Сукъ ели трещитъ смоляной...
О, другъ мой! скажи, что съ тобою?
Я знаю давно, чтó со мной.

X.

Улыбка томительной скуки
Средь общей веселія жажды…
Вы, полные, сладкіе звуки
Знать васъ не услышать мнѣ дважды!
Зачѣмъ же за тающей скрипкой
Такъ сердце въ груди встрепенулось,
Какъ-будто знакомой улыбкой
Минувшее вдругъ улыбнулось?
Такъ томно и грустно — небрежно
Въ свой міръ разцвѣченный уноситъ
И ластится къ сердцу такъ нѣжно,
И такъ умилительно проситъ?

XI.

СЕРЕНАДА.

Тихо вечеръ догараетъ
Горы золотя;
Знойный воздухъ холодаетъ —
Спи мое дитя.

Соловьи давно запѣли,
Сумракъ возвѣстя;
Струны робко зазвенѣли —
Спи мое дитя.

Смотрятъ ангельскія очи,
Трепетно свѣтя;
Такъ легко дыханье ночи —
Спи мое дитя.

XII.

За кормою струйки вьются,
Мы несемся въ челнокѣ,
И далеко раздаются
Звуки Нормы по рѣкѣ.
Млечный путь глядится въ воду —
Свѣтлый праздникъ свѣтлыхъ лѣтъ!
Я весломъ прибавилъ ходу
И луна бѣжитъ во слѣдъ.
Струйки вьются, пѣсни льются
Вторитъ эхо вдалекѣ,
И дробяся раздаются
Звуки Нормы по рѣкѣ.

XIII.

ИЗЪ БАЙРОНА.

О солнце, глазъ безсонныхъ! Звѣздный лучь,
Какъ слезно ты дрожишь межъ дальнихъ тучь...
Сопутникъ мглы — блестящій стражъ ночной,
Какъ по быломъ тоска сходна съ тобой...
Такъ свѣтитъ намъ блаженство давнихъ лѣтъ,
Горитъ, а все не грѣетъ этотъ свѣтъ;
Подруга думъ воздушная видна,
Но далеко — ясна, но холодна.

XIV.

ФАНТАЗІЯ.

Мы одни; изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ... тусклы наши свѣчи;
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи.
Что жъ молчимъ мы? или самовластно
Царство тихой, свѣтлой ночи Мая?
Иль поетъ и ярко такъ и страстно
Соловей, надъ розой изнывая?
Иль проснулись птички за кустами,
Тамъ, гдѣ вѣтеръ колыхалъ ихъ гнѣзды?
И дрожа ревнивыми лучами
Ближе, ближе къ намъ нисходятъ звѣзды?
На суку извилистомъ и чудномъ
Пестрыхъ сказокъ пышная жилица,
Вся въ огнѣ, въ сіяньи изумрудномъ,
Надъ водой качается жаръ-птица;
Расписныя раковины блещутъ
Въ переливахъ чудной позолоты,
До луны жемчужной пѣной мещутъ

И алмазной пылью водометы ;
Листья полны свѣтлыхъ насѣкомыхъ,
Все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры ;
Много сновъ проносится знакомыхъ
И на сердцѣ много сладкой вѣры ;
Переходятъ радужныя краски,
Раздражая око свѣтомъ ложнымъ ;
Мигъ еще… и нѣтъ волшебной сказки,
И душа опять полна возможнымъ.
Мы одни ; изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ… тусклы наши свѣчи ;
Твой душистый , твой послушный локонъ,
Развиваясь , падаетъ на плечи.

XV.

Недвижныя очи, безумныя очи,
Зачѣмъ вы средь дня и въ часы полуночи
Такъ жадно вперяетесь вдаль?
Уже ли вы въ томъ потонули минувшемъ,
Давно и мгновенно предъ вами мелькнувшемъ,
Котораго сердцу такъ жаль?

Не высмотрѣть вамъ, чего нѣтъ и что было,
Что сердце, тоскуя, въ себѣ схоронило
На самое темное дно;
Не вамъ допросить у случайности жадной,
Куда она скрыла рукой безпощадной
Что́ было такъ щедро дано.

XVI.

Какъ мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся;
Съ любимой мечтою
Не хочется сердцу разстаться.
Но цвѣтъ вдохновенья
Печаленъ средь буднишнихъ терній;
Былое стремленье
Далеко, какъ отблескъ вечерній.
Но память былаго
Все крадется въ сердце тревожно...
О, еслибъ безъ слова
Сказаться душой было можно!

XVII.

Спи — еще зарею
Холодно и рано;
Звѣзды за горою
Блещутъ средь тумана;
Пѣтухи недавно
Въ третій разъ пропѣли,
Съ колокольни плавно
Звуки пролетѣли.
Дышутъ липъ верхушки
Нѣгою отрадной,
А углы подушки
Влагою прохладной.

XVIII.

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ,
Всѣхъ въ немъ цвѣтовъ благовонія слышны;
Кудри твои такъ обильны и пышны,
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ,
Яснаго взора губительна сила.
Нѣтъ, я не вѣрю, чтобъ ты не любила:
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ,
Счастію сердце легко предается,
Мнѣ близь тебя хорошо, и поется...
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.

ВЕЧЕРА И НОЧИ.

I.

Право отъ полной души я благодаренъ сосѣду.
Славная вещь — подъ окномъ въ клѣткѣ держать соловья...
Грустно въ неволѣ пѣвцу, но чары сильны у природы!
Только прощальнымъ огнемъ озлатятся кресты на церквахъ,
И въ разцвѣтающій садъ за высокимъ, ревнивымъ заборомъ
Вечера свѣжесть вдыхать выйдетъ сосѣдка одна —
Тѣни ночныя въ пѣвцѣ пробудятъ желаніе воли
И подъ окномъ соловей громко засвищетъ любовь.
Что за головка у ней, за бѣлыя плечи и руки!
Что за янтарный отливъ на роскошныхъ извивахъ волосъ!
Станъ — заглядѣнье! притомъ какая лукавая ножка!
Будто бы дразнитъ, мелькая...
Но вечеръ давно ужъ насталъ...
Чтожъ не поетъ соловей или чтожъ не выходитъ сосѣдка?...
Можетъ сегодня мы всѣ трое другъ друга поймемъ.

II.

Вдали огонекъ за рѣкою,
Вся въ блесткахъ струится рѣка;
На лодкѣ весло удалое,
На цѣпи не видно замка.
Никто мнѣ не скажетъ: «куда ты
Поѣхалъ, куда загадалъ?»
Шевелись же, весло, шевелися —
А берегъ во мракѣ пропалъ!
Да, что же? Зачѣмъ бы не ѣхать?
Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья и лодки,
И весла и огня за рѣкой?...

III.

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только рѣдко люблю я…
Чаще всего мнѣ пріятно скользить по заливу
Такъ, — забываясь,
Подъ звучную мѣру весла
Омоченнаго пѣной шипучей,
Да смотрѣть, много ль отъѣхалъ,
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы…
Изо всѣхъ островковъ,
На которыхъ рѣдко мерцаютъ
Огни рыбаковъ запоздалыхъ,
Милъ мнѣ одинъ предпочтительно…
Красноглазый кроликъ
Любитъ его;
Гордый лебедь, каждой весною,
Съ протянутой шеей, летаетъ вокругъ,
И садится съ размаха
На тихія воды.
Надъ обрывомъ утеса

Ростетъ, помавая вѣтвями,
Широколиственный дубъ.
Сколько ужъ лѣтъ тутъ живетъ соловей!
Онъ поетъ по зарямъ,
Да и позднею ночью, когда
Мѣсяцъ обманчивымъ свѣтомъ
Серебритъ и волны и листья...
Онъ не молкнетъ, поетъ
Все громче и громче...
Странныя мысли
Приходятъ тогда мнѣ на умъ:
Чтó это — жизнь, или сонъ?...
Счастливъ я, или только обманутъ?
Нѣтъ отвѣта...
Мелкія волны что-то шепчутъ съ кормою,
Весло недвижимо,
И на небѣ ясномъ высоко сверкаетъ зарница.

IV.

Скучно мнѣ вѣчно болтать о томъ, что высоко, прекрасно;
Всѣ эти толки меня только къ зѣвотѣ ведутъ...
Бросивъ педантовъ, бѣгу съ тобой побесѣдовать, другъ мой;
Знаю, что въ этихъ глазахъ, черныхъ и умныхъ глазахъ,
Больше прекраснаго, чѣмъ въ нѣсколькихъ стахъ фоліантахъ,
Знаю, что сладкую жизнь пью съ этихъ розовыхъ губъ.
Только пчела узнаетъ въ цвѣткѣ затаенную сладость,
Только художникъ на всемъ чуетъ прекраснаго слѣдъ.

V.

Я жду... Соловьиное эхо
Несется съ блестящей рѣки,
Трава при лунѣ въ брилліантахъ,
На тминѣ горятъ свѣтляки.
Я жду... Темносинее небо
И въ мелкихъ и крупныхъ звѣздахъ;
Я слышу біеніе сердца
И трепетъ въ рукахъ и въ ногахъ.
Я жду... Вотъ повѣяло съ юга,
Тепло мнѣ стоять и идти;
Звѣзда покатилась на западъ...
Прости золотая, прости!

VI.

Здравствуй! тысячу разъ мой привѣтъ тебѣ, ночь!
Опять и опять я люблю тебя;
Тихая, теплая,
Серебромъ окаймленная!
Робко свѣчу потушивъ, подхожу я къ окну...
Меня не видать, зато самъ я все вижу...
Дождусь, непремѣнно дождусь:
Калитка вздрогнетъ, растворяясь,
Цвѣты, закачавшись, сильнѣе запахнутъ, и долго,
Долго при мѣсяцѣ будетъ мелькать покрывало.

VII.

Другъ мой, безсильны слова, — одни поцалуи все-
сильны...
Правда, въ запискахъ твоихъ весело мнѣ наблюдать,
Ка̀къ приливъ и отливъ мыслей и чувства мѣшаютъ
Ручкѣ твоей повѣрять то и другое листку;
Правда, и самъ я пишу стихи покоряясь богинѣ;
Много и риѳмъ у меня, много размѣровъ живыхъ...
Но межъ ними люблю я риѳмы взаимныхъ лобзаній,
Съ нѣжной цезурою устъ, съ вольнымъ размѣромъ
любви.

VIII.

Ночью какъ-то вольнѣе дышать мнѣ,
Какъ-то просторнѣй...
Даже въ столицѣ не тѣсно!
Окна растворишь:
Тихо и чутко
Плыветъ прохладительный воздухъ.
А небо? а мѣсяцъ?
О! этотъ мѣсяцъ волшебникъ!
Какъ будто бы кровли
Покрыты зеркальнымъ стекломъ...
Шпили и кресты — бриллiанты;
А тамъ за луной небосклонъ
Чѣмъ дальше — свѣтлѣй и прозрачнѣй.
Смотришь — и дышишь,
И слышишь дыханье свое,
И бой отдаленныхъ часовъ,
Да крикъ часоваго,
Да изрѣдка стукъ колеса,
Или пѣнiе вѣстника утра.

Вмѣстѣ съ зарею и сонъ налетаетъ на вѣжды,
Свѣтелъ какъ призракъ.
Голову клонитъ, а жаль отъ окна оторваться!

IX.

Радъ я дождю... Отъ него тучнѣетъ мягкое поле,
Листъ зеленѣетъ на вѣткѣ и воздухъ становится чище...
Зелени запахъ одну за одной изъ ульевъ многошумныхъ
Пчелъ вызываетъ.
Но, что̀ для меня еще лучше,
Это — когда онъ ее на дорогѣ ко мнѣ орошаетъ!
Мокрые волосы, гладко къ челу прилегая,
Такъ и сіяютъ у ней; а губки и блѣдныя ручки
Такъ холодны, что нельзя не согрѣть ихъ своими устами.
Но нестерпимъ ты мнѣ ночью безсонною, Плювій Юпитеръ.
Лучше согласенъ я крысъ и мышей въ моей комнатѣ слушать,
Лучше колеса пускай гремятъ непрестанно у оконъ,
Чѣмъ этотъ шумъ и удары глупыхъ, безсмысленныхъ капель;
Точно какъ будто-бы птицъ проклятое стадо
Сотнями ногъ и носовъ терзаютъ желѣзную кровлю.

Юпитеръ Плювій, помилуй! Расти, сколько хочешь,
цвѣтовъ ты
Для прекрасной и лавровъ юныхъ на кудри поэта,
Только помилуй! не бей по ночамъ мнѣ въ желѣзную
кровлю.

X.

Слышишь ли ты, какъ шумитъ вверху угловатое стадо?
Съ крикомъ летятъ черезъ домъ къ теплымъ полямъ журавли;
Желтые листья шумятъ, въ березникѣ свищетъ синица.
Ты говоришь, что опять теплой дождемся весны...
Другъ мой! могу ль при тебѣ дожидаться блаженства въ грядущемъ?
Развѣ зимой у тебя меньше ланиты цвѣтутъ?...
Въ зеркалѣ часто себя ты видишь съ дѣтской улыбкой,
Свой поправляя вѣнокъ; такъ разрѣши мнѣ сама,
Гдѣ у тебя на лицѣ болѣе жизни и страсти,
Вешнимъ ли утромъ въ саду, въ полномъ сіяньи зари,
Иль у огня моего, когда я боюсь, чтобы искра,
Съ трескомъ прыгнувъ, не сожгла ножки малютки твоей?

XI.

Каждое чувство бываетъ понятнѣй мнѣ ночью и каждый
Образъ пугливо-нѣмой дольше трепещетъ во мглѣ...
Самые звуки доступнѣй, даже когда неподвиженъ
Книгу держу я въ рукахъ, самъ пробѣгая въ умѣ
Всё невозможно-возможное, странно-бывалое... Лампа
Томно у ложа горитъ, мѣсяцъ смѣется въ окно,
А въ отдаленіи колоколъ вдругъ запоетъ — и тихонько
Въ комнату звуки плывутъ; я предаюсь имъ вполнѣ:
Сердце въ нихъ находило всегда какую-то влагу,
Точно какъ-будто росой ночи омыты они...
Звукъ все тотъ же поетъ, но съ каждымъ порывомъ иначе:
То въ немъ мѣди тугой болѣе, то серебра.
Странно, что ухо въ ту пору, какъ будто не слушая, слышитъ;
Въ мысляхъ иное совсѣмъ, думы волна за волной...
А между тѣмъ еще глубже сокрытая сила объемлетъ
Лампу и звуки и ночь — ихъ сочетавши въ одно:
Такъ между влажно-махровыхъ цвѣтовъ снотворнаго маку
Полночь роняетъ порой тайные сны на яву.

XII.

Лѣтній вечеръ тихъ и ясенъ;
Посмотри, какъ дремлютъ ивы,
Западъ неба блѣдно-красенъ
И рѣки блестятъ извивы.
Отъ вершинъ скользя къ вершинамъ,
Вѣтръ ползетъ лѣсною высью;
Слышишь ржанье по долинамъ:
То табунъ несется рысью.

XIII.

Любо мнѣ въ комнатѣ ночью стоять у окошка въ потемкахъ,
Если луна съ высоты прямо глядитъ на меня,
И, проникая стекло, нарисуетъ квадраты лучами
По полу, комнату всю дымомъ прозрачнымъ поя;
А за окошкомъ въ саду между листьевъ сирени и липы,
Черныя группы дѣля, зыбкимъ проходитъ лучемъ
Между вѣтвями — и внизъ ея золоченыя стрѣлы
Яркимъ стремятся дождемъ, иль одинокій листокъ
Лунному свѣту мѣшаетъ разсыпаться по́-земи; самъ же,
Свѣтомъ осыпанный весь, черенъ дрожитъ на тѣни.
Я восклицаю: блаженъ, трижды блаженъ, о Діана!
Кто всемогущей судьбой въ тайны твои посвященъ.

XIV.

Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонняго ручья,
Свѣтъ ночной, ночныя тѣни,
Тѣни безъ конца,
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица,
Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтаря,
И лобзанія, и слезы —
И заря, заря!...

БАЛЛАДЫ.

I.

ТАЙНА.

Почти ребенкомъ я была,
Всѣ любовались мной;
Мнѣ шли и кудри по плечамъ
И фартучекъ цвѣтной;
Любила мать смотрѣть, какъ я
Молилась поутру,
Любила слушать, если я
Пѣвала ввечеру.
Чужой однажды посѣтилъ
Нашъ тихій уголокъ:
Онъ былъ такъ нѣженъ и уменъ,
Такъ строенъ и высокъ.
Онъ часто въ очи мнѣ глядѣлъ
И тихо руку жалъ
И тайно глазъ мой голубой
И кудри цаловалъ.
И помню, стало мнѣ вокругъ
При немъ все такъ свѣтло,
И стало мутно въ головѣ,

И на̀ сердцѣ тепло.
Летѣли дни... промчался годъ...
Насталъ послѣдній часъ —
Ему шепнула что-то мать,
И онъ оставилъ насъ.
И долго, долго мнѣ пришлось
И плакать и грустить;
Но я бояласяя о немъ
Кого нибудь спросить.
Однажды, вижу: милый гость,
Припавъ къ устамъ моимъ,
Мнѣ говоритъ: «Не бойся, другъ,
Я для другихъ незримъ.»
И съ этихъ поръ онъ снова мой,
Въ объятіяхъ моихъ,
И страстно, крѣпко онъ меня
Цалуетъ при другихъ.
Всѣ говорятъ, что яркій цвѣтъ
Ланитъ моихъ больной...
Имъ не узнать, какъ жарко ихъ
Цалуетъ милый мой.

II.

ВОРОТЪ.

Спать пора, свѣча сгорѣла;
Да и ты, моя краса, —
Голова отяжелѣла:
Кудри лезутъ на глаза.
Стань вотъ тутъ передъ иконы,
Я постельку стану стлать.
Не спѣши же класть поклоны,
Богородицу читать.
Видишь, глазки-то бѣдняжки
Такъ и просятся уснуть,
Только воротъ у рубашки
Надо прежде разстегнуть.
«Отъ чего же, няня, надо?»
Надо, другъ мой, чтобъ тобой,
Не сводя святаго взгляда,
Любовался Ангелъ твой.
Твой хранитель, Ангелъ Божій,
Прилетаетъ по ночамъ,
Какъ и ты, дитя, пригожій,

Только крылья по плечамъ.
Коль твою онъ видитъ душку,
Воротъ вскрытъ и тихъ твой сонъ:
Тихо справа на подушку
Улыбаясь сядетъ онъ;
А закрыта душка, спрячетъ
Душку вóротъ, мутны сны:
Ангелъ взглянетъ и заплачетъ,
Сядетъ съ лѣвой стороны.
Надъ тобой Господня сила!
Дай, я воротъ распущу.
Ужъ подушку я крестила —
И тебя перекрещу.

III.

На дворѣ не слышно вьюги,
Надъ землей туманный паръ;
Ужь давно вода остыла,
Смолкъ шумливый самоваръ.
Няня старая не видитъ
И не слышитъ — все прядетъ;
Мочку лѣвою пощиплетъ,
Правой нитку отведетъ.
А ребенокъ все играетъ...
Какъ хорошъ онъ при огнѣ!
И кудрявая головка
Отразилась на стѣнѣ.
Вотъ задумалася няня,
Со свѣчи нагаръ сняла,
И прекраснаго малютку
Ближе къ свѣчкѣ подвела.
«Дай-ка ручки!» Няня хочетъ
Посмотрѣть на ихъ черты.
«Что? на пальчикахъ дорожки
«Не кружками ль завиты?»

Няня смотритъ... Вотъ вздохнула...
«Ничего, дитя мое!»
Вотъ заплакала — и плачетъ
Мальчикъ, глядя на нее.

IV.

ЛЕГЕНДА.

Вдоль по берегу полями
Ѣдетъ сынъ княжой;
Сорокъ отроковъ верхами
Слѣдуютъ толпой.
Страненъ ликъ его суровый,
Все кругомъ молчитъ —
И подкова лишь съ подковой
Часто говоритъ.
«Разгуляйся въ полѣ» — сыну
Говоритъ старикъ.
Знать сыновнюю кручину
Старый взоръ проникъ.
Съ золотыми стремянами
Княжій аргамакъ;
Шемаханскими шелками
Вышитъ весь чепракъ;
Но, печаленъ въ полѣ чистомъ,
Князь себѣ не радъ,

И не кличетъ громкимъ свистомъ
Кречетовъ назадъ.
Онъ давно душою жаркой,
Въ перегарѣ силъ,
Всю неволю жизни яркой
Втайнѣ отлюбилъ.
Полюбить успѣвъ вериги
Молодой тоски,
Переписываетъ книги,
Пишетъ кондаки,
И не разъ въ минуты битвы
Съ жизнью молодой,
Въ увлеченіи молитвы
Находилъ покой.
Ѣдетъ онъ въ раздумьи шагомъ
На лихомъ конѣ;
Вдругъ пещеру за оврагомъ
Видитъ въ сторонѣ:
Тамъ душевной жаждѣ пищу
Старецъ находилъ,
И къ пустынному жилищу
Князь поворотилъ.
Годы страсти, годы спора
Пронеслися вдругъ,
И пустыннаго простора

Онъ почуялъ духъ.
Слѣзъ съ коня, оборотился
Къ отрокамъ спиной,
Снялъ кафтанъ, перекрестился —
И махнулъ рукой.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ГРЕЦІЯ.

Тамъ, подъ оливами, близь шумнаго каскада,
Гдѣ сочная трава унизана росой,
Гдѣ радостно кричитъ веселая цикада,
И роза южная гордится красотой;
Гдѣ храмъ оставленный подъялъ свой куполъ бѣлый,
И по колоннамъ вверхъ кудрявый плющъ бѣжитъ —
Мнѣ грустно: міръ боговъ теперь осиротѣлый,
Рука невѣжества забвеніемъ клеймитъ.
Вотще... Въ полно́чь, какъ соловей восточный
Свисталъ, а я бродилъ незримый за стѣной,
Я видѣлъ: Граціи сбирались въ часъ урочный
Въ былой пріютъ заросшею тропой
Но въ пляскахъ вѣтреныхъ богини не блистали
Молочной пѣной формъ, при золотой лунѣ...
Нѣтъ; — ставши въ тѣсный кругъ красавицы шептали:
«Эллада» — слышалось мнѣ часто въ тишинѣ.

II.

ВАКХАНКА.

Подъ тѣнью сладостной полуденнаго сада,
Въ широколиственномъ вѣнкѣ изъ винограда
И влаги Вакховой томительной полна,
Чтобъ духъ перевести замедлилась она.
Закинувъ голову съ улыбкой опьянѣнья,
Прохладнаго она искала дуновенья,
Какъ будто волосы ужь начинали жечь
Горячимъ золотомъ ей розы пышныхъ плечь.
Одежда жаркая все ниже опускалась,
И молодая грудь все больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желанія полны.

III.

ДІАНА.

Богини дѣвственной округлыя черты,
Во всемъ величіи блестящей наготы,
Я видѣлъ межъ деревъ надъ ясными водами
Съ продолговатыми, безцвѣтными очами...
Высоко поднялось открытое чело,
Его недвижностью вниманье облегло, —
И дѣвъ моленію въ тяжелыхъ мукахъ чрева
Внимала чуткая и каменная дѣва.
Но вѣтеръ на зарѣ между листовъ проникъ,
Качнулся на водѣ богини ясный ликъ;
Я ждалъ, — она пойдетъ съ колчаномъ и стрѣлами,
Молочной бѣлизной мелькая межъ древами,
Взирать на сонный Римъ, на вѣчный славы градъ,
На желтоводный Тибръ, на группы колоннадъ,
На стогны длинные.... Но мраморъ недвижимый
Бѣлѣлъ передо мной красой непостижимой.

IV.

Влажное ложе покинувши, Фебъ златокудрый направилъ
Быстрыхъ коней, Фаетонову гибель, за розовой Эосъ;
Круто напрягши бразды, онъ кругомъ озирался, и тотчасъ
Бойкіе взоры его устремились на берегъ пустынный.
Тамъ воскурялся туманъ благовонною жертвою; море
Тихо у желтыхъ песковъ почивало; разбитая лодка,
Дномъ опрокинута вверхъ, половиной въ водѣ, половиной
Въ утреннемъ воздухѣ темной смолою чернѣла — и тутъ же,
Влѣво, разбросаны были обломки еловые веселъ,
Кожаный щитъ и шеломъ опрокинутый, полные тины.
Дальше, когда поразсѣялись волны тумана сѣдаго,
Онъ увидалъ на травѣ, подъ зеленымъ навѣсомъ каштана,
(Трижды его обѣжавши, лоза окружала кистями);
Юношу онъ на травѣ увидалъ. бѣлоснѣжные члены
Были разкинуты, правой рукою, какъ будто тѣснилъ онъ

Грудь, и на ней-то прекрасное тѣло недвижно лежало...
Лѣвая навзничь упала, и бѣлыя формы на темной
Зелени травъ благовонныхъ во всей полнотѣ рисовались;
Весь былъ разодранъ хитонъ, округленныя бедра бѣлѣли,
Будто бы мраморъ пріявшій изгибы отъ рукъ Праксителя,
Ноги казали свои покровенныя прахомъ подошвы,
Свѣтлыя кудри чела упадали на грудь, осѣняя
Мертвую силу лица и глубоко смертельную язву.

V.

КУСОКЪ МРАМОРА.

Тщетно блуждаетъ мой взоръ, измѣряя твой мраморъ начатый;
Тщетно пытливая мысль хочетъ загадку рѣшить; —
Что̀ одѣваетъ кора грубо изрубленной массы:
Ясное ль Тита чело, Фавна ль измѣнчивый ликъ,
Змѣй примирителя, жезлъ, крылья и станъ быстроногій,
Или стыдливости дѣвъ съ тонкимъ перстомъ на устахъ?

VI.

Съ корзиной, полною цвѣтовъ на головѣ,
Изъ сумрака аллей она на свѣтъ ступила —
И побѣжала тѣнь за ней по муравѣ.
И полъ-лица ей тѣнь корзины осѣнила;
Но и подъ тѣнію узнаешь ты какъ разъ
Примѣты южнаго созданья безъ ошибки, —
По свѣтлому зрачку неотразимыхъ глазъ,
По откровенности младенческой улыбки.

VII.

ПОДРАЖАНІЕ XVI ИДИЛЛІИ БІОНА.

Прекрасная звѣзда Венеры свѣтлоокой,
Пока свое чело за рощею далекой
Діана нѣжная скрываетъ, освѣти
Кустарникъ тотъ и холмъ для моего пути.
Я оставляю кровъ не для ночныхъ хищеній,
На путниковъ въ душѣ не крою покушеній...
Нѣтъ, я люблю, и жду возмездія заботъ
Отъ нимфы молодой, красы между красотъ,
Какъ въ миріадѣ звѣздъ, Діаной предводимой,
Краса ночныхъ небесъ, горитъ твой лучь любимой.

VIII.

КЪ ЮНОШѢ.

Друзья, какъ онъ хорошъ за чашею вина,
Какъ молодой души неопытность видна!
Его шестнадцать лѣтъ, его живые взоры
Ланиты нѣжныя, заносчивые споры,
Порывы дружества, негодованье, гнѣвъ —
Все обѣщаетъ въ немъ любимца зоркихъ дѣвъ.

IX.

Питомецъ радости, покорный наслажденью,
Зачѣмъ, коварный другъ, не внемля приглашенью,
Ты нашъ вечерній пиръ вчера не посѣтилъ?...
Хозяинъ ласковый къ обѣду пригласилъ
Въ бесѣдку, гдѣ кругомъ, не заслоняя сада,
Полувоздушная обстала колоннада.
Діана полная, глядя между вѣтвей,
Благословляла столъ улыбкою своей
И яства сочныя съ ихъ паромъ благовоннымъ,
Отрадно лакомымъ — гулякамъ утонченнымъ,
И отчихъ кладовыхъ старинное добро,
Широкодонныхъ чашъ литое серебро...
А вѣтерокъ ночной по фитилямъ порхая,
Качалъ слегка огни, намъ лица освѣжая....
Зачѣмъ ты не сидѣлъ межъ нами у стола?
Тутъ въ розовомъ вѣнкѣ и Лидія была,
И Пирра смуглая, и Цинтія живая,
И ученица музъ, Неэра молодая,
Какъ Сафо страстная, пугливая какъ лань...
О! другъ! я чувствую, я заплачу ей дань

Любви мечтательной, тоскливой, безотрадной...
Я наливалъ вчера рукою безпощадной, —
Но вспоминалъ тебя, и знаю, въ полпьянà
Мѣшалъ въ заздравіяхъ я ваши имена.

X.

Въ златомъ сіяніи лампады полусонной,
И, отворя окно въ мой садикъ благовонной,
То прохлаждаемый, то въ сладостномъ жару,
Слѣдилъ я легкую кудрей ея игру:
Дыханьемъ полночи ихъ тихо волновало
И съ милаго чела красиво отдувало…

XI.

Уснуло озеро; безмолвенъ черный лѣсъ;
Русалка бѣлая небрежно выплываетъ;
Какъ лебедь молодой, луна среди небесъ
Скользитъ и свой двойникъ на влагѣ созерцаетъ.
Уснули рыбаки у сонныхъ огоньковъ;
Вѣтрило блѣдное не шевельнетъ ни складкой;
Порой тяжелый карпъ плеснетъ у тростниковъ,
Пустивъ широкій кругъ бѣжать по влагѣ гладкой.
Какъ тихо... Каждый звукъ и шорохъ слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерываютъ...
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть травы на водѣ русалки колыхаютъ...

XII.

КЪ КРАСАВЦУ.

Природы баловень, какъ счастливъ ты судьбой!
Всѣмъ нравятся твой ростъ и гордый обликъ твой,
И кудри пышныя, безпечностью завиты,
И блѣдное чело, и нѣжныя ланиты,
Приподнятая грудь, жемчужный рядъ зубовъ,
И огненный зрачекъ, и бархатная бровь;
А дѣвы юныя, украдкой отъ надзора,
Толкуютъ твой отвѣтъ и выраженье взора,
И послѣ каждая, вздохнувъ наединѣ,
Промолвитъ: «да! онъ мой — его отдайте мнѣ!»
Какъ сонъ младенчества, какъ первыя лобзанья,
Съ отрадой сладкою безумнаго желанья,
Ты, полонъ прелести, въ ихъ памяти живешь,
Улыбкамъ учишь ихъ и къ зеркалу зовешь;
Не для тебя ль онѣ, при факелѣ Авроры,
Находятъ новый взглядъ и новые уборы?
Когда же ложе ихъ одѣнетъ темнота,
Алкаютъ устъ твоихъ, раскрывшись, ихъ уста.

XIII.

СОНЪ И ПАЗИФАЯ.

Ярко блестящая пряжка надъ бѣлою полною грудью
Дѣвы Хариты младой — ризы вязала концы.
Свѣжій вѣнокъ прилегалъ къ высоко подвязаннымъ косамъ,
Серьги съ подвѣской тройной съ блескомъ качались въ ушахъ.
Сзади вились по плечамъ умащенныя сладкою амброй,
Запахъ далеко лія, волны кудрей золотыхъ.
Тихо ступала нога круглобедрая.... Такъ Пазифаю
Юноша Сонъ увидалъ, полонъ желанья любви.
Крѣпкой обвита рукой, покраснѣла Харита младая....
Но возрастающій жаръ вѣжды прекрасной сомкнулъ.
И въ упоеньи любви, на цвѣты опускаяся, дѣва,
Члены раскинувъ, съ кудрей свой уронила вѣнокъ.

XIV.

СПОРЪ.

Гдѣ Нимфа рѣзвая, покинувъ горный токъ,
Вплетаетъ гіацинтъ въ свой розовый вѣнокъ,
На мирныхъ пажитяхъ, въ лѣсу прохладной Иды,
Гдѣ землю посѣщать привыкли Ураниды,
Сіяньемъ царственной красы окружены,
Красавцу пастырю предстали три жены.
«Будь, юноша, судьей — скажи мнѣ, не меня ли
«Царицей красоты глаза твои признали?»
Сказала первая, оперпшсь на копье.
«Какъ солнце разума горитъ лицо мое.
«Со мной бесѣдовать, мои встрѣчая взгляды —
«Фригіецъ! выше нѣтъ и для боговъ награды.
«Поднявъ румяный плодъ, вручи его ты той,
«Чтó въ правѣ изо всѣхъ владѣть твоей душой,
«И если мудрости ты вѣренъ былъ донынѣ —
«Я знаю, яблоко достанется Аѳинѣ.»
Съ румянцемъ вспыхнувшемъ мгновенно вдоль ланитъ,
«Послушай, юноша!» другая говоритъ:
«Съ подвластнымъ божествомъ не только споръ, сравненье

«Супругѣ и сестрѣ Зевеса — униженье.
«Но встрѣтивъ разъ меня, все что живетъ кругомъ
«Не можетъ не сказать : какъ почиваетъ громъ
«Въ небесной синевѣ, безмолвной и глубокой —
«Такъ силой свѣтитъ взоръ у Геры волоокой.
«Божественная грудь, чиста какъ горній цвѣтъ,
«Пріемлетъ лишь того, кто потрясаетъ свѣтъ.
«Когда вступаю я въ небесные чертоги,
«Не люди предо мной покорствуютъ — а боги....
«И если правымъ я тебя найду судьей,
«Не пастырь, царскій сынъ стоитъ передо мной.»
И третья говоритъ, къ ногамъ покровъ роняя :
«Владычица сердецъ передъ тобой, нагая.
«Небесный душный сводъ не родина моя,
«На берегу морскомъ изъ пѣны вышла я.
«Но не мудрецъ теперь, не сынъ царя прекрасный,
«Пусть юноша судья намъ будетъ безпристрастный.
«Мой даръ божественный не мудрость и не власть;
«Нѣтъ! я внушу тебѣ губительную страсть;
«Ты самъ падешь, падетъ отецъ твой, сестры, братья...
«Но посмотри сюда : въ горячія объятья
«Я приведу къ тебѣ подобную красу,
«Могуществомъ моимъ любимцевъ вознесу,
«И ваши имена — потомства достоянье —
«Замѣнятъ Красоты обычное названье.»

XV.

АМИМОНА.

«Это у васъ на Сѣверѣ все ни по чемъ. Посмотри-ка,
«Чей тамъ вдали голубой парусъ, какъ чайка, блеснулъ?
«Ты только бѣлую точку завидѣлъ; а я различила
«Снасти и пестрый нашъ флагъ. Это отцовскій корабль!
«Знать, старику надоѣла въ Наксосѣ жена молодая...
«Мать говорила, что онъ скоро вернется домой
«Въ Наполи ди Романію. Полно вечерней порою
«Въ рощу лавровую мнѣ тайно къ тебѣ приходить.
«Ахъ, любовь только губитъ насъ дѣвушекъ!» — «Милая — полно!
«Въ этихъ словахъ двѣ вины: городъ родной назвала
«Ты Наполи ди Романьей. Это названье чужое.
«Можно ли въ вашей странѣ дѣвамъ пенять на любовь?
«Здѣсь она города созидала; по храмамъ и рощамъ
«Сладостный жаръ не остылъ въ гнѣздахъ ея голубей.

«Знаешь ты, какъ основался вашъ городъ? Гонимый Египтомъ,
«Съ цѣлой толпою дѣтей въ Грецію прибылъ Данай.
«Въ Арголидѣ томясь жестокою жаждой, изгнанникъ
«Всѣхъ пятьдесятъ дочерей ключь отыскать разослалъ.
«Долго блуждали онѣ, одинокія. Вдругъ Амимона
«Неосторожной стопой будитъ Сатира въ лѣсу.
«Нѣтъ пощады! — Сатиръ догоняетъ пугливую, обнялъ...
«Но надъ бѣглянкою богъ вѣрнымъ трезубцемъ взмахнулъ.
«Быстро, какъ горный олень, умчался Сатиръ козлоногій —
«Мимо его просвиставъ, въ землю трезубецъ впился.
«Амимона!» сказалъ Нептунъ: «подай мнѣ трезубецъ!»
«Дѣва, горя отъ стыда, дернула ловкой рукой.
«Чудо! вслѣдъ за зубцами желѣзными почва сухая
«Чистыхъ, какъ горный кристаллъ, три извергаетъ ключа.
«Навплія сына Нептуну затѣмъ понесла Амимона —
«Городъ вашъ Навплію онъ, смѣлый пловецъ, заложилъ.»

XVI.

НА СМЕРТЬ ПОПУГАЯ.

(изъ овидія).

Попка, восточный Индѣецъ, всему подражатель крылатый
  Умеръ Пернатыхъ стада! будемъ его хоронить.
Въ грудь ударяйте себя крылами, честныя птицы,
  И проведите слѣды рѣзкихъ ногтей по щекамъ.
Съ горя, вмѣсто волосъ, чубы торчащіе рвите,
  Вмѣсто печальной трубы пусть ваши пѣсни звучатъ!
О преступленьи тирана Измарскаго ты, Филомела,
  Плачешь; но грусти твоей много исполнилось лѣтъ.
Пой надгробную пѣснь несчастной и рѣдкостной птицѣ....
  Итисъ причина тоски сильной, но древней уже.
Всѣ, которымъ дано по текучему воздуху плавать,
  Ты жь неутѣшнѣй другихъ, нѣжная горлица, плачь.
Жизнь вся ваша была наполнена добрымъ согласьемъ
  И до конца простоялъ долгій и прочный союзъ.
Чѣмъ Арголійцу Оресту былъ нѣкогда юный Ѳокеецъ,
  Попочка! тѣмъ для тебя горлица долго была.

Но къ чему вся вѣрность, къ чему нарядныя перья?
 Голосъ къ чему, мастерски звуки умѣвшій мѣнять?
Много ль въ томъ пользы, что мнѣ подаренъ ты и нравился милой
 Дѣвѣ? Пернатыхъ краса! вотъ ты, несчастный, лежишь.
Цвѣтомъ крыльевъ ты могъ затмить изумрудовъ сіянье,
 Крокомъ пунійскимъ горѣлъ, словно окрашенъ, твой клювъ.
Не было на землѣ въ подражаньи искуснѣе птицы,
 Такъ отчетливо ты, съ хрипомъ, слова повторялъ.
Зависть сразила тебя. Не пускался ты въ жаркія битвы;
 Мирный болтунъ полюбилъ въ жизни отрадный покой.
Вотъ погляди! перепелки весь вѣкъ свой дерутся, а живы.
 Можетъ быть отъ того часто такъ стары онѣ.
Малымъ былъ ты доволенъ. Любя разглагольствовать часто,
 Времени много не могъ яствамъ твой ротъ удѣлять.
Пищей тебѣ былъ орѣхъ, да макъ наводящій дремоту,
 Жажду поила вода влагой простою своей.
Ястребъ обжора живетъ и кружащійся въ воздухѣ коршунъ,
 Также и грачь полевой, вѣрный предвѣстникъ дождей,

И ворона живетъ, ненавистная мощной Минервѣ;
Въ девять столѣтій она развѣ да развѣ умретъ.
Умеръ мой попка болтунъ, человѣчьихъ рѣчей отголосокъ,
Даръ попавшій ко мнѣ съ крайнихъ предѣловъ земли.
Такъ почти все лучшее жадныя руки хватаютъ;
Только ничтожному нѣтъ въ пріумноженьи границъ.
Грустную видѣлъ Терзитъ Ѳилакійца героя кончину,
Гекторъ сталъ прахомъ, въ живыхъ братья остались его.
Сколько обѣтовъ дала за тебя дрожавшая дѣва!
Буйный вѣтеръ умчалъ къ морю обѣты ея.
День седьмой наступилъ безъ всякой надежды въ грядущемъ:
Съ праздною прялкой уже парка стояла твоя.
Но не изсякли еще слова въ утомленной гортани,
Передъ кончиной языкъ крикнулъ: «Коринна! прощай!»
Подъ Елисейскимъ холмомъ густая темнѣетъ дубрава,
Влажная почва кругомъ вѣчной травой зелена.
Если вѣрить преданью, пріютъ тамъ для честныхъ пернатыхъ;
Птицамъ безстыднымъ туда доступъ на вѣкъ возбраненъ.
Тамъ выходятъ пастись безвредные лебеди въ поле;

Тамъ же и фениксъ живой, вѣчно межъ всѣхъ одинокъ.
Птица Юноны по прихоти перья свои распускаетъ,
Тихо голубка зоветъ къ страстнымъ лобзаньямъ самца.
Тамъ попугаю пріютъ уготованъ подъ сѣнью дубравы,
Честныя птицы внимать голосу станутъ его.
Кости холмикъ покроетъ; для тѣла онъ слишкомъ обширенъ.
Крошечный камень лежитъ, надпись такая жь на немъ:
«Памятникъ признакъ того, какъ мной госпожа дорожила;
Больше, чѣмъ птицамъ дано, я говорить былъ ученъ.»

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Владычица Сіона, предъ тобою
Во мглѣ моя лампада зажжена.
Все спитъ кругомъ — душа моя полна
Молитвою и сладкой тишиною.

Ты мнѣ близка... Покорною душою
Молюсь за ту, кѣмъ жизнь моя ясна.
Дай ей цвѣсти, будь счастлива она —
Съ другимъ ли избраннымъ, одна, или со мною.

О нѣтъ! прости вліянію недуга!
Ты знаешь насъ: намъ суждено другъ друга
Взаимными молитвами спасать.
Такъ дай же силъ, простри святыя руки,
Чтобъ ярче могъ въ полночный часъ разлуки
Я предъ тобой лампаду возжигать.

II.

МАДОННА.

Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйнаго не слушаю невѣжды;
Моимъ ушамъ понятенъ звукъ иной,
И сердцу голосъ слышится надежды.

Съ тѣхъ поръ, какъ Санціо передо мной
Изобразилъ склоняющую вѣжды,
И этотъ ликъ, и этотъ взоръ святой,
Смиренныя и легкія одежды,

И это лоно матери, и въ немъ
Младенца съ яснымъ, радостнымъ челомъ,
Съ улыбкою къ Маріи наклоненной —
О! какъ душа стихаетъ вся до дна!
Какъ много со святаго полотна
Ты шлешь, мой Богъ, съ пречистою Мадонной!

III.

МОСКВА.

(ИЗЪ КЁРНЕРА).

Какъ высоки церквей златыя главы,
Какъ царственно дворцы твои сіяютъ!
Со всѣхъ сторонъ глаза мои встрѣчаютъ
И гордый блескъ, и памятники славы.

Но часъ твой билъ, о городъ величавый!
Твои граждане руку подымаютъ,
Трещитъ огонь и факелы пылаютъ,
И ты стоишь въ горячей ризѣ лавы!

О, пусть тебя поноситъ изступленье!
Ломитесь башни, рушьтеся палаты!
То русскій фениксъ, пламенемъ объятый,
Горитъ вѣкамъ... Но близко искупленье....
Уже подъ кликъ и общіе восторги
Копье побѣдъ поднялъ Святый Георгій.

IV.

ХАНДРА.

1.

Непогода — осень — куришь,
Куришь — все какъ будто мало.
Хоть читалъ бы, только чтенье
Подвигается такъ вяло;
Сѣрый день ползетъ лѣниво,
И болтаютъ нестерпимо
На стѣнѣ часы стѣнные
Языкомъ неутомимо;
Сердце стынетъ по немногу,
И у жаркаго камина
Лѣзетъ въ голову больную
Все такая чертовщина!
Надъ дымящимся стаканомъ
Остывающаго чаю,
Слава Богу! по немногу,
Будто вечеръ, засыпаю...

2.

Не ворчи, мой котъ мурлыка,
Въ неподвижномъ полуснѣ;
Безъ тебя темно и дико
Въ нашей сторонѣ;
Безъ тебя все таже печка,
Тѣ же окна, какъ вчера;
Тѣ же двери, та же свѣчка
И опять хандра…

V.

ВЕНЕЦІЯ НОЧЬЮ.

Всплески волнъ сверкаютъ ярко,
Ударяясь о гранитъ;
Дремлетъ левъ святаго Марка,
И царица моря спитъ.

По каналамъ посребрённымъ
Опрокинулись дворцы,
И блестятъ весломъ безсоннымъ
Запоздалые гребцы.

Звѣздъ сіяютъ миріады,
Чутко въ воздухѣ ночномъ;
Осребренныя громады
Вѣковымъ уснули сномъ.

VI.

Ужъ верба вся пушистая
Разкинулась кругомъ;
Опять весна душистая
Повѣяла крыломъ.
Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И въ душу снова просятся
Плѣнительные сны.
Вездѣ разнообразною
Картиной занятъ взглядъ,
Шумитъ толпою праздною
Народъ — чему-то радъ...
Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена —
И надъ душою каждою
Проносится весна.

VII.

ПОСВЯЩЕНІЕ КЪ ФАУСТУ.

(г—ву).

Вы вновь ко мнѣ, воздушныя видѣнья!
Давно знакомъ печальный съ вами взоръ!
Иль сердце къ вамъ полно опять стремленья,
Иль грудь хранитъ безуміе съ тѣхъ поръ?
Вы принеслись! Я полонъ умиленья;
Въ туманной мглѣ привѣтствую вашъ хоръ!
Трепещетъ грудь младенческими снами
Отъ волшебства, навѣяннаго вами.

Вы обновили свѣтлыхъ лѣтъ картину,
И много милыхъ ожило тѣней.
Подобно сагѣ, смолкшей вполовину,
Звучатъ любовь и дружба прежнихъ дней.
И больно мнѣ; давнишнюю кручину
Несетъ мнѣ жизнь со всѣхъ своихъ путей,
И кличетъ тѣхъ, которыхъ въ мигъ участья
И унесло и обмануло счастье.

Имъ не слыхать послѣдующихъ пѣсенъ,
Всѣмъ тѣмъ, кому я первыя пѣвалъ.
Кружокъ привѣтный избранныхъ сталъ тѣсенъ,
И отголосокъ первый отзвучалъ.
Кому пою, тотъ кругъ мнѣ неизвѣстенъ,
Его привѣтъ мнѣ сердце запугалъ;
А тѣ, чей слухъ мою и любитъ лиру,
Хотя въ живыхъ, разсѣяны по міру.

И вновь во мнѣ отвычное стремленье
Въ тотъ кроткій міръ, къ задумчивымъ духамъ...
Неясное подъемлю пѣснопѣнье,
Подобное эоловымъ струнамъ,
Проснулось въ строгомъ сердцѣ умиленье,
Невольно слезы слѣдуютъ слезамъ;
Все, чѣмъ владѣю, кажется мнѣ лживо,
А что́ прошло — передо мною живо.

VIII.

Полно спать: тебѣ двѣ розы
Я принесъ съ разсвѣтомъ дня.
Сквозь серебряныя слезы
Ярче нѣга ихъ огня.

Вешнихъ дней минутны грозы,
Воздухъ чистъ, свѣжей листы...
И роняютъ тихо слезы
Ароматные цвѣты.

IX.

Б.......мъ.

ПРИ ПОЛУЧЕНІИ ЦВѢТОВЪ И НОТЪ.

Откуда вдругъ въ смиренный уголъ мой
Двоякой роскоши избытокъ,
Прекрасный даръ, нежданный и двойной,
Цвѣты и пѣсни дивной свитокъ?
Мой жадный взоръ къ чертамъ его приникъ,
Внемлю живительному звуку,
И узнаю подъ бархатомъ гвоздикъ
Благоухающую руку.

X.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ СЕРДЦУ.

Сердце — ты малютка!
Угомонъ возьми...
Хоть на мигъ разсудка
Голосу внеми.
Радъ принять душою
Всю болѣзнь твою!
Спи, Господь съ тобою,
Баюшки — баю!

Не касайся къ ранѣ:
Станетъ подживать!
Не тоскуй по нянѣ,
Что ушла гулять;
Это только шутка:
Няню жди свою.
Засыпай малютка,
Баюшки — баю!

А не то́ другая
Нянюшка прійдетъ,
Сядетъ молодая,
Пѣсни запоетъ:
«Посмотри, родное,
«На красу мою,
«Да усни въ покоѣ…
«Баюшки — баю!»

Чтожъ ты повернулось?
Прежней няни жаль!
Знать опять проснулась
Старая печаль?
Знать пуста скамейка,
Даромъ что пою:
Чтожъ она, злодѣйка?
Баюшки — баю!

Подожди, вотъ къ лѣту
Станешь подростать,
Колыбельку эту
Надо промѣнять.
Я кровать большую
Дамъ тебѣ свою,
И свѣчу задую.
Баюшки — баю!

И долга кроватка
И безъ няни въ ней
Спится сладко — сладко,
До скончанья дней.
Перестанешь биться
И на вѣкъ въ раю...
Только будетъ сниться:
Баюшки — баю!

XI.

Еще весна, — какъ будто не земной
Какой-то духъ ночнымъ владѣетъ садомъ.
Иду я молча, — медленно и рядомъ
Мой темный профиль движется со мной.

Еще аллей не сумраченъ пріютъ,
Между вѣтвей небесный сводъ синѣетъ,
А я иду — душистый холодъ вѣетъ
Въ лицо — иду — и соловьи поютъ.

Несбыточное грезится опять,
Несбыточное въ нашемъ бѣдномъ мірѣ,
И грудь вздыхаетъ радостнѣй и ширѣ,
И вновь кого-то хочется обнять.

Придетъ пора, — и скоро можетъ быть,
Опять земля взалкаетъ обновиться,
Но это сердце перестанетъ биться
И ничего не будетъ ужъ любить.

XII.

О, не зови! страстей твоихъ такъ звонокъ
Родной языкъ.
Ему внимать и плакать, какъ ребенокъ,
Я такъ привыкъ.
Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь,
Я знаю край, гдѣ все, что можетъ сниться,
Трепещетъ въ явь.
Скажи, не я ль на первыя воззванья
Страстей, въ отвѣтъ
Искалъ блаженствъ, которымъ нѣтъ названья
И мѣры нѣтъ?
Чтожъ? Рухнула съ разбѣга колесница,
Хоть цѣль вдали,
И распростертъ, заносчивый возница
Лежитъ въ пыли.
Я это зналъ — съ послѣднимъ увлеченьемъ
Конецъ всему;
Но самый прахъ съ любовью, съ наслажденьемъ
Я обойму.

XIII.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;
Разсказать, что лѣсъ проснулся
Весь проснулся вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой...

XIV.

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ вдали;
Конный или пѣшій —
Не видать въ пыли!

Вижу: кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ.
Другъ мой, другъ далёкій,
Вспомни обо мнѣ!

XV.

На зарѣ ты ея не буди,
На зарѣ она сладко такъ спитъ;
Утро дышетъ у ней на груди,
Ярко дышетъ на ямкахъ ланитъ.

И подушка ея горяча,
И горячь утомительный сонъ,
И чернѣясь, бѣгутъ на плеча
Косы лентой съ обѣихъ сторонъ.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидѣла она,
И слѣдила по тучамъ игру,
Чтó скользя затѣвала луна.

И чѣмъ ярче играла луна,
И чѣмъ громче свисталъ соловей,
Все блѣднѣй становилась она,
Сердце билось больнѣй и больнѣй.

От того-то на юной груди
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ея, не буди...
На заре она сладко так спит!

XVI.

ДЕРЕВНЯ.

Люблю я пріютъ вашъ печальный
И вечеръ деревни глухой,
И за лѣсомъ благовѣстъ дальный,
И кровлю и крестъ золотой.
Люблю я немятаго луга
Къ окну подползающій паръ,
И тѣснаго, тихаго круга
Не разъ долитой самоваръ.
Люблю я на тѣхъ посидѣлкахъ
Старушки чепецъ и очки;
Люблю на окнѣ на тарелкахъ
Овса золотые злачки;
На столикѣ близко къ окошку
Корзину съ узорнымъ чулкомъ,
И по полу рѣзвую кошку
Въ прыжкахъ за проворнымъ клубкомъ,
И милой застѣнчивой внучки
Красивый дѣвичій нарядъ,
Движеніе блѣдненькой ручки

И робко опущенный взглядъ;
Прощанье смолкающихъ пташекъ,
И мѣсяца блѣдный восходъ,
Дрожанье фарфоровыхъ чашекъ,
И рѣчи замедленный ходъ;
И собственной выдумки сказки,
Прохлады вечерней струю,
И васъ, любопытные глазки,
Живую награду мою.

XVII.

Ахъ, дитя, къ тебѣ привязанъ
Я любовью безвозмездной!
Ныньче ты, моя малютка,
Снилось мнѣ въ коронѣ звѣздной...
Что за искры эти звѣзды!
Что за кроткое сіянье!
Ты сама, моя малютка,
Что за свѣтлое созданье!

XVIII.

УЗНИКЪ.

Густая крапива
Шумитъ подъ окномъ,
Зеленая ива
Повисла шатромъ;
Веселыя лодки
Въ дали голубой;
Желѣзо рѣшетки
Визжитъ подъ пилой.
Бывалое горе
Уснуло въ груди,
Свобода и море
Горятъ впереди...
Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушаетъ ухо,
И пилитъ рука.

XIX.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

1.

Ланитой къ ланитѣ моей приложись —
Тогда наши слезы сольются;
И сердцемъ тѣснѣе мнѣ къ сердцу прижмись —
Огнемъ онѣ общимъ зажгутся.

И если въ тотъ пламень польются рѣкой
Тѣ общія слезы мученья,
Я, крѣпко тебя охвативши рукой,
Умру отъ тоски наслажденья.

2.

Дитя! мои пѣсни далеко
На крыльяхъ тебя унесутъ,
Къ долинамъ Гангесова тока:
Я знаю тамъ лучшій пріютъ.

Тамъ свѣтомъ луны обливаясь,
Въ саду все зардѣвшись цвѣтетъ,
И лотоса цвѣтъ, преклоняясь,
Сестрицу завѣтную ждетъ.

Смѣясь, незабудкины глазки
На дальнія звѣзды глядятъ,
И розы душистыя сказки
Другъ другу въ ушко говорятъ.

Припрянувъ, вниманія полны,
Тамъ мирно газели глядятъ;
А тамъ, въ отдаленіи, волны
Священнаго тока шумятъ.

И тамъ мы подъ пальмой младою,
Любви и покоя полны,
Склонившись, уснемъ — и съ тобою
Увидимъ блаженные сны.

3.

Желтѣетъ древесная зелень,
Дрожа, опадаютъ листы...
Ахъ все увядаетъ, все меркнетъ,
Вся нѣга, весь блескъ красоты.

И солнце вершины лѣсныя
Тоскливымъ лучемъ обдаетъ.
Знать въ немъ уходящее лѣто
Лобзанье прощальное шлетъ.

А я, я хотѣлъ бы заплакать,
Такъ грудь истомилась тоской...
Напомнила эта картина
Мнѣ наше прощанье съ тобой.

Я зналъ, разставаясь, что вскорѣ
Ты станешь жилицей небесъ.
Я былъ — уходящее лѣто,
А ты — умирающій лѣсъ.

4.

ПОСЕЙДОНЪ.

Солнце лучами играло
Надъ моремъ катящимъ далеко валы;
На рейдѣ блисталъ въ отдаленьи корабль,
Который въ отчизну меня поджидалъ;
Только попутнаго не было вѣтра,
И я спокойно сидѣлъ на бѣломъ пескѣ
Пустыннаго берега;
Пѣснь Одиссея читалъ я — старую,
Вѣчно юную пѣснь. — Изъ ея
Моремъ шумящимъ страницъ предо мной
Радостно жизнь поднималась
Дыханьемъ боговъ,
И свѣтлой весной человѣка,
И небомъ цвѣтущимъ Эллады.
Благородное сердце мое съ участьемъ слѣдило
За сыномъ Лаэрта въ путяхъ многотрудныхъ его;
Садилося съ нимъ въ печальномъ раздумьи
За радушный очагъ,
Гдѣ царицы пурпуръ прядутъ;

Лгать и удачно ему убѣгать помогало
Изъ объятія нимфъ и пещеръ исполиновъ;
За нимъ въ Киммерійскую ночь и въ ненастье
И въ кораблекрушенье неслось,
И съ нимъ несказанное горе терпѣло.
Вздохнувши сказалъ я: «Злой Посидаонъ,
Гнѣвъ твой ужасенъ,
И самъ я боюсь
Не вернуться въ отчизну!»
Едва я окончилъ —
Запѣнилось море,
И богъ морской изъ бѣлѣющихъ волнъ
Главу осокою вѣнчанную поднялъ,
Сказавши въ насмѣшку:
«Что ты боишься, поэтикъ?
Я ни мало не стану тревожить
Твой бѣдный корабликъ,
Не стану въ раздумье о жизни любезной тебя
Вводить излишнею качкой.
Вѣдь ты, поэтикъ, меня никогда не сердилъ:
Ни башенки ты не разрушилъ у стѣнъ
Священнаго града Пріама,
Ни волоса ты не спалилъ на глазу
Полифема, любезнаго сына,
И тебѣ не давала совѣтовъ ни въ чемъ
Богиня ума — Паллада Аѳина.»

Такъ воззвалъ Посейдонъ,
И въ море опять погрузился,
И надъ грубою остротой моряка
Подъ водой засмѣялись
Амфитрита — женщина-рыба
И глупыя дщери Нерея.

XX.

Люди спятъ; мой другъ, пойдемъ въ тѣнистый садъ.
Люди спятъ; однѣ лишь звѣзды къ намъ глядятъ.
Да и тѣ не видятъ насъ среди вѣтвей
И не слышатъ — слышитъ только соловей...
Да и тотъ не слышитъ — пѣснь его громка.
Развѣ слышатъ только сердце да рука:
Слышитъ сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастія сюда мы принесли;
Да рука, услышавъ, сердцу говоритъ,
Что чужая въ ней пылаетъ и дрожитъ,
Что и ей отъ этой дрожи горячо,
Что къ плечу невольно клонится плечо...

XXI.

Растутъ, растутъ причудливыя тѣни
Въ одну сливаясь тѣнь...
Ужъ позлатилъ послѣднія ступени
Перебѣжавшій день.
Чтó звало жить, чтó силы горячило —
Далёко за горой.
Какъ призракъ дня, ты, блѣдное свѣтило,
Восходишь надъ землей.
И на тебя, какъ на воспоминанье,
Я обращаю взоръ...
Смолкаетъ лѣсъ, блѣднѣй ручья сіянье,
Потухли выси горъ;
Лишь ты одно скользишь стезей лазурной;
Недвижно все окрестъ...
Да сыплетъ ночь своей бездонной урной
Къ намъ миріады звѣздъ.

XXII.

НА ДНѢПРѢ ВЪ ПОЛОВОДЬЕ.

(А. Я. П—вой).

Свѣтало. — Вѣтеръ гнулъ упругое стекло
Днѣпра, еще въ волнахъ не пробуждая звука...
Старикъ отчаливалъ, оперщись на весло,
А между тѣмъ ворчалъ на внука.

Отъ веселъ къ берегу кудрявый слѣдъ бѣжалъ;
Струи подъ лодкой закипѣли;
Нашъ парусъ, медленно надувшись, задрожалъ,
И мы, какъ птица, полетѣли.

И яркимъ золотомъ и чистымъ серебромъ
Змѣились облаковъ прозрачныхъ очертанья;
Надъ разъигравшимся, казалося, Днѣпромъ
Струилися отъ волнъ и травъ благоуханья.

За нами мельница едва-едва видна,
И берегъ посинѣлъ зеленой...

И вотъ подъ лодкою вздрогнувшей быстрина
Сверкаетъ сталью вороненой...

А тамъ затопленный на встрѣчу лѣсъ летѣлъ...
Въ него зеркальные врывалися заливы;
Надъ сонной влагою тамъ тополь зеленѣлъ,
Бѣлѣли яблони и трепетали ивы.

И подъ лобзанія немолкнущей струи,
Пѣвцы, которымъ лѣсъ да волны лишь внимали,
Съ какой-то нѣгою задорной соловьи
Пустынный воздухъ раздражали.

Вотъ изумрудный лугъ, вотъ жолтые пески
Горятъ въ сіяньи золотистомъ;
Вонъ утка крадется въ тростникъ, — вонъ кулики
Безпечно бѣгаютъ со свистомъ...

Остался бъ здѣсь дышать, смотрѣть и слушать вѣкъ...

XXIII.

Еще весны душистой нѣга
Къ намъ не успѣла низойти,
Еще овраги полны снѣга,
Еще зарей гремитъ телѣга
На замороженномъ пути.

Едва лишь въ полдень солнце грѣетъ,
Краснѣетъ липа въ высотѣ,
Сквозя, березникъ чуть желтѣетъ,
И соловей еще не смѣетъ
Запѣть въ смородинномъ кустѣ.

Но возрожденья вѣсть живая
Ужь есть въ пролетныхъ журавляхъ,
И ихъ глазами провожая,
Стоитъ красавица степная,
Съ румянцемъ сизымъ на щекахъ.

XXIV.

Ночь весенней нѣгой дышетъ,
Вѣтеръ взморья не колышетъ,
Весь заливъ блеститъ какъ сталь,
И надъ моремъ облаками,
Какъ ползущими горами,
Разукрасилася даль.

Долго будетъ утомленный
Спать съ Ѳетидой Фебъ влюбленный;
Но Аврора ужъ не спитъ,
И смутясь блаженствомъ бога,
Изъ подводнаго чертога
Съ яркимъ факеломъ бѣжитъ.

XXV.

Жди яснаго на завтра дня...
Стрижи мелькають и звенятъ,
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озаренъ закатъ.

Въ заливѣ дремлютъ корабли,
Едва трепещутъ вымпела,
Далеко небеса ушли —
И къ нимъ морская даль ушла.

Такъ робко набѣгаетъ тѣнь,
Такъ тайно свѣтъ уходитъ прочь,
Что ты не скажешь: минулъ день,
Не говоришь: настала ночь.

XXVI.

Какъ здѣсь свѣжо̀ подъ липою густою!
Полдневный зной сюда не проникалъ;
И тысячи висящихъ надо мною
Качаются душистыхъ опахалъ.

А тамъ вдали сверкаетъ воздухъ жгучій,
Колебляся, какъ будто дремлетъ онъ.
Такъ рѣзко сухъ снотворный и трескучій
Кузнечиковъ неугомонный звонъ...

За мглой вѣтвей синѣютъ неба своды,
Какъ дымкою подернуты слегка —
И какъ мечты почіющей природы,
Волнистыя проходятъ облака.

XXVII.

Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ протянулъ;
Въ водѣ опрокинулся лѣсъ;
Зубцами вершинъ онъ въ зарѣ потонулъ,
Межь двухъ изгибаясь небесъ.

И воздухомъ чистымъ усталая грудь
Дышала отрадно. Легли
Вечернія тѣни. — Вечерній мой путь
Краснѣлъ межь деревьевъ вдали.

А мы, мы на лодкѣ сидѣли вдвоемъ,
Я смѣло налегъ на весло,
Ты молча покорнымъ владѣла рулемъ,
Насъ въ лодкѣ какъ въ люлькѣ несло.

И дѣтская челнъ направляла рука
Туда, гдѣ, блестя чешуей,
Вдоль соннаго озера быстро рѣка
Бѣжала какъ змѣй золотой

Ужь начали звѣзды мелькать въ небесахъ...
Не помню, какъ бросилъ весло,
Не помню, чтó пестрый нашептывалъ флагъ,
Куда насъ потокомъ несло!

XXVIII.

ОСЕНЬ.

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Все грачи летали,
Да какъ сѣть мелькали
Вонъ надъ той горой.

Съ вечера все спится,
На дворѣ темно.
Листъ сухой валится,
Ночью вѣтеръ злится,
Да стучитъ въ окно.

Лучше бъ снѣгъ да вьюгу
Встрѣтить грудью радъ!
Словно какъ съ испугу
Раскричавшись, къ югу
Журавли летятъ.

Выйдешь — по неволѣ
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь : черезъ поле
Перекати-поле
Прыгаетъ какъ мячь.

XXIX.

СОСНЫ.

Средь кленовъ дѣвственныхъ и плачущихъ березъ
Я видѣть не могу надменныхъ этихъ сосенъ;
Онѣ смущаютъ рой живыхъ и сладкихъ грезъ,
И трезвый видъ ихъ мнѣ несносенъ.

Въ кругу воскреснувшихъ сосѣдей лишь онѣ
Не знаютъ трепета, не шепчутъ, не вздыхаютъ,
И, неизмѣнныя, ликующей веснѣ
Пору зимы напоминаютъ.

Когда уронитъ лѣсъ послѣдній листъ сухой
И, смолкнувъ, станетъ ждать весны и возрожденья —
Онѣ останутся холодною красой
Пугать иныя поколѣнья.

XXX.

БОЛЬНОЙ.

Его томилъ недугъ. Тяжелый зной печей
Казалось, каждый вздохъ оспаривалъ у груди...
Его томилъ напѣвъ безсмысленныхъ рѣчей,
Ему противны стали люди.

На стѣны онъ кругомъ смотрѣлъ какъ на тюрьму,
Онъ обращалъ къ окну горящія зеницы,
И свѣта Божьяго хотѣлося ему —
Хотѣлось воздуха, которымъ дышутъ птицы.

А тамъ за стеклами, какъ чуткій сонъ легки,
Съ востока яркаго все шире дни летѣли,
И солнце теплое, морозамъ вопреки,
Вдоль крышъ развѣсило капели.

Просиживая дни, онъ думалъ все одно:
«Я знаю, небеса весны меня излѣчутъ...»
И ждалъ онъ: скоро ли весна пахнетъ въ окно,
И тамъ двѣ ласточки, прижавшись, защебечутъ?

XXXI.

ВЪ САДУ.

Привѣтствую тебя, мой добрый, старый садъ,
Цвѣтущихъ лѣтъ цвѣтущее наслѣдство!
Съ улыбкой горькою я пью твой ароматъ,
Которымъ нѣкогда мое дышало дѣтство.

Густыя липы тѣ-жъ, но заросли слова,
Которыя въ тѣни я вырѣзалъ искусно;
Хватаетъ за ноги заглохшая трава,
И чувствую, что тамъ въ лѣсу мнѣ будетъ грустно.

Какъ будто съ трепетомъ здѣсь каждаго листа
Моя пробудится и затрепещетъ совѣсть,
И станутъ лепетать знакомыя мѣста
Давно забытую, оплаканную повѣсть.

И скажутъ: «помнимъ мы, какъ ты игралъ и росъ,
Мы помнимъ, какъ потомъ, въ послѣдній часъ разлуки
Вѣнкомъ изъ молодыхъ и благовонныхъ розъ
Тебя здѣсь нѣжныя благословляли руки.

Скажи : гдѣ розы тѣ, которыя такой
Веселой радостью и свѣжестью дышали?»
Однѣ я раздарилъ съ безумствомъ и тоской,
Другія растерялъ — и всѣ онѣ увяли.

А вы, вы молоды и пышны до конца.
Я радъ.... и радости вполнѣ вкусить не смѣю;
Стою какъ блудный сынъ передъ лицомъ отца,
И плакать бы хотѣлъ — и плакать не умѣю.

XXXII.

ПАМЯТИ

ДМИТРІЯ ЛЬВОВИЧА КРЮКОВА.

Когда свѣтильникомъ, предъ нашими очами,
Ко храму Римскихъ Музъ ты озарялъ ступень,
И чудилося намъ невольно, что надъ нами
Горація витаетъ тѣнь —

Впервыя тихія и радостныя слезы
Исторгнулъ дышащій изъ устъ твоихъ пѣвецъ:
Плѣнили насъ его неблекнущія розы
И зеленѣющій вѣнецъ.

Въ замолкнувшій чертогъ къ Минервѣ и къ Зевесу
Вслѣдъ за тобой толпа ликующая шла;
И тихо древнюю ты раздвигалъ завѣсу
Съ громодержащаго орла.

Но свѣточь твой угасъ. Надежнаго союза
Судьба не обрекла межь нами и тобой...
И лиру уронивъ, поникла молча Муза
Въ слезахъ надъ урной гробовой.

XXXIII.

Въ долгія ночи, какъ вѣжды на сонъ не сомкнуты,
Чудныя душу порой посѣщаютъ минуты.
Духъ окриленъ, никакая не мучитъ утрата,
Въ дальней звѣздѣ отгадалъ бы отбывшаго брата!
Близкой души предо мною всѣ ясны изгибы;
Видишь, какъ были — и видишь, какъ быть бы могли бы!
О! если ночь унесетъ тебя въ міръ этотъ странный,
Мощному духу отдайся, о другъ мой желанный!
Я отзовусь — но внемля безтѣлесному звуку,
Вспомни меня, какъ невольную помнятъ разлуку!

XXXIV.

МОРСКОЙ ЗАЛИВЪ.

Третью ужъ ночь, вотъ на этомъ холмѣ за оврагомъ
Конь мой по звонкой дорогѣ пускается шагомъ.
Третью ужъ ночь, миновавъ эту старую иву,
Самъ я невольно лицомъ обращаюсь къ заливу.
Только вдали потухая за дымкою сизой,
Весь въ ширину онъ серебряной свѣтится ризой.
Спитъ онъ такъ тихо, что ухо, исполнясь вниманья,
Даже средь камней его не уловитъ дыханья.
Въ блескъ этотъ душу уноситъ волшебная сила!...
Что за слова мнѣ она въ эту ночь говорила!
Сколько въ веселыхъ рѣчахъ прозвучало привѣта!
Сколько въ нихъ сердце почуяло нѣги и свѣта!
Ахъ! что за ночь! Тише, конь мой, куда торопиться?...
Радъ и сегодня я сномъ до зари не забыться!

XXXV.

Не спрашивай, надъ чѣмъ задумываюсь я:
Мнѣ сознаваться въ томъ и тягостно и больно;
Мечтой безумною полна душа моя
И въ глубь минувшихъ лѣтъ уносится невольно.
Сіянье прелести тогда въ свой кругъ влекло.
Взглянулъ — и пылкое на встрѣчу сердце рвется!
Такъ голубь, бурею застигнутый, въ стекло,
Какъ очарованный, крыломъ лазурнымъ бьется.
А нынѣ предъ лицомъ сіяющей красы
Нѣтъ этой слѣпоты и страсти безотвѣтной.
Но сердце глупое, какъ ветхіе часы,
Коли забьетъ порой, такъ все свой часъ завѣтной.
Я помню, отрокомъ я былъ еще. Пора
Была туманная. Сирень въ слезахъ дрожала.
Въ тотъ день лежала мать больна, и со двора
Подруга игръ моихъ надолго уѣзжала.
Не мчались ласточки, звеня, передъ окномъ,
И мошекъ не толклись блестящихъ вереницы,
Сидѣли голуби, нахохлившись, рядкомъ,
И въ липникъ прятались умолкнувшія птицы.
А надъ колодеземъ, на вздернутомъ шестѣ,

Гдѣ старая бадья болталась какъ подвѣска,
Закаркалъ воронъ вдругъ, чернѣя въ высотѣ;
Закаркалъ какъ-то зло, отрывисто и рѣзко.
Тотъ плачь давно умолкъ, — кругомъ и смѣхъ и шумъ;
Но сердце вѣчно, знать, пугаться не отвыкнетъ;
Гляжу въ твои глаза, люблю ихъ нѣжный умъ...
И трепещу — вотъ-вотъ зловѣщій воронъ крикнетъ.

XXXVI.

ПЕРВАЯ БОРОЗДА.

Со степи зелено-сѣрой
Подымается туманъ,
И торчитъ еще — Церерой
Ненавидимый бурьянъ.

Ржавый плугъ опять свѣтлѣетъ;
Гдѣ волы, склонясь, прошли,
Лентой бархатной чернѣетъ
Глыба взрѣзанной земли.

Чѣмъ-то блещутъ свѣжимъ, нѣжнымъ
Солнца вешніе лучи,
Вслѣдъ за пахаремъ прилежнымъ
Ходятъ жадные грачи.

Вѣтерокъ благоухаетъ
Сочной почвы глубиной, —
И Юпитера встрѣчаетъ
Лоно Геи молодой.

XXXVII.

Ты расточительна на милыя слова,
А въ сердце мнѣ не шлешь отраднаго привѣта,
И въ тайнѣ думаешь: причудлива, черства
Душа суровая поэта.

Я тоже жду; я жду, нельзя ли превозмочь
Твоей холодности, подмѣтить мигъ участья,
Чтобы въ глазахъ твоихъ, загадочныхъ какъ ночь,
Затрепетали звѣзды счастья.

Я жду, я жажду ихъ; мечтателю въ ночи
Сіянья не встрѣчать пышнѣе и прелестнѣй,
И знаю, низойдутъ ихъ яркіе лучи
Ко мнѣ и трепетомъ и пѣсней.

XXXVIII.

ЛѢСЪ.

Куда ни обращаю взоръ,
Кругомъ синѣетъ мрачный боръ,
И день права свои утратилъ;
Въ глухой дали стучитъ топоръ,
Вблизи стучитъ вертлявый дятелъ.

У ногъ гніетъ столѣтній ломъ,
Гранитъ чернѣетъ, и за пнемъ
Прижался заяцъ серебристый;
А на соснѣ, поросшей мхомъ,
Мелькаетъ бѣлки хвостъ пушистый.

И путь заглохъ и одичалъ,
Позеленѣлый мостъ упалъ,
И легъ, скосясь, во рву размытомъ,
И конь давно не выступалъ
По немъ подкованнымъ копытомъ.

XXXIX.

Какое счастіе: и ночь и мы одни!
Рѣка какъ зеркало и вся блеститъ звѣздами;
А тамъ-то... голову закинь-ка да взгляни:
Какая глубина и чистота надъ нами!

О, называй меня безумнымъ! назови
Чѣмъ хочешь. Въ этотъ мигъ я разумомъ слабѣю
И въ сердцѣ чувствую такой приливъ любви,
Что не могу молчать, не стану, не умѣю!

Я боленъ, я влюбленъ; но, мучась и любя —
О, слушай! о, пойми! — я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя —
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

XL.

СТЕПЬ ВЕЧЕРОМЪ.

Клубятся тучи, млѣя въ блескѣ аломъ,
Хотятъ въ росѣ понѣжиться поля,
Въ послѣдній разъ, за третьимъ переваломъ
Пропалъ ямщикъ, звеня и не пыля.

Нигдѣ жилья не видно на просторѣ,
Вдали огня иль пѣсни — и не ждешь!
Все степь да степь. Безбрежная, какъ море,
Волнуется и наливаетъ рожь.

За облакомъ, до половины скрыта,
Луна свѣтить еще не смѣетъ днемъ.
Вотъ жукъ взлетѣлъ и прожужжалъ сердито,
Вотъ лунь проплылъ, не шевеля крыломъ.

Покрылись нивы сѣтью золотистой,
Тамъ перепелъ откликнулся вдали,
И слышу я, въ изложинѣ росистой
Въ полголоса скрыпятъ коростели.

Ужь сумракомъ пытливый взоръ обманутъ,
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вотъ съ неба звѣзды глянутъ,
И какъ рѣка засвѣтитъ млечный путь.

XLI.

ПЧЕЛЫ.

Пропаду отъ тоски я и лѣни,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноетъ, слабѣютъ колѣни...
Въ каждый гвоздикъ душистый сирени,
Распѣвая, вползаетъ пчела...

Дай хоть выду я въ чистое поле
Иль совсѣмъ потеряюсь въ лѣсу...
Съ каждымъ шагомъ не легче на волѣ,
Сердце пышетъ все болѣ и болѣ,
Точно уголь въ груди я несу.

Нѣтъ, постой же! съ тоскою моею
Здѣсь разстанусь. Черемуха спитъ...
Ахъ, опять эти пчелы подъ нею!
И никакъ я понять не умѣю
На цвѣтахъ ли, въ ушахъ ли звенитъ.

XLII.

Чтó за ночь! Прозрачный воздухъ скованъ;
Надъ землей клубится ароматъ.
О; теперь я счастливъ, я взволнованъ,
О, теперь я высказаться радъ!

Помнишь часъ послѣдняго свиданья?
Безотраденъ сумракъ ночи былъ;
Ты ждала, ты жаждала признанья —
Я молчалъ: тебя я не любилъ.

Холодѣла кровь и сердце ныло:
Такъ тяжка была твоя печаль;
Горько мнѣ за насъ обоихъ было
И сказать мнѣ правду было жаль.

Но теперь, когда дрожу и млѣю
И какъ рабъ твой каждый взоръ ловлю,
Я не лгу, назвавъ тебя своею
И клянясь, что я тебя люблю.

XLIII.

СТАРЫЙ ПАРКЪ.

Сбирались умирать послѣдніе цвѣты
И ждали съ грустію дыханія мороза;
Краснѣли по краямъ кленовые листы,
Горошекъ отцвѣталъ и осыпалась роза.

Надъ мрачнымъ ельникомъ проснулася заря,
Но яркости ея не радовались птицы;
Однообразный свистъ лишь слышенъ снегиря,
Да раздражаетъ пискъ насмѣшливой синицы.

Бесѣдка старая надъ пропастью видна.
Вхожу. Два льва безъ лапъ на лѣстницѣ встрѣчаютъ...
Полу-затертыя, чужія имена,
Сплетаясь межъ собой, въ глазахъ моихъ мелькаютъ.

Гляжу. У ногъ моихъ отвѣсною стѣной
Мнѣ сосенъ кажутся недвижныя вершины,
И горная тропа, размытая водой,
Віясь какъ жолтый змѣй, бѣжитъ на дно долины.

И солнце вырвалось изъ тучи — и лучи,
Блеснувъ какъ молнія, въ долину долетѣли.
Отсюда вижу я, какъ бьютъ въ прудѣ ключи,
И надъ травой стоятъ недвижныя форели.

Одинъ. Ничьихъ шаговъ не слышу за собой,
Въ душѣ уныніе, усиліе во взорѣ.
А тамъ, за соснами, какъ куполъ голубой,
Стоитъ безстрастное, безжалостное море.

Какъ чайка, парусъ тамъ бѣлѣетъ въ высотѣ.
Я жду, потонетъ онъ, но онъ не утопаетъ,
И, медленно скользя по выгнутой чертѣ,
Какъ волокнистый слѣдъ пропавшей тучки таетъ.

XLIV.

ВЕСЕННІЯ МЫСЛИ.

Снова птицы летятъ издалека
Къ берегамъ, разторгающимъ ледъ,
Солнце теплое ходитъ высоко
И душистаго ландыша ждетъ.

Снова въ сердцѣ ничѣмъ не умѣришь
До ланитъ восходящую кровь
И душою подкупленной вѣришь,
Что какъ міръ безконечна любовь.

Не сойдемся ли снова такъ близко
Средь природы разнѣженной мы,
Какъ видало ходившее низко
Насъ холодное солнце зимы?

XLV.

ВЕСНА НА ДВОРѢ.

Ка̀къ дышетъ грудь свѣжо и емко —
Слова не выразятъ ни чьи!
Какъ по оврагамъ, въ полдень, громко
На пѣну прядаютъ ручьи!

Въ эѳирѣ пѣснь дрожитъ и таетъ,
На глыбѣ зеленѣетъ рожь —
И голосъ нѣжный напѣваетъ:
«Еще весну переживешь!»

XLVI.

ВЕЧЕРЪ.

Прозвучало надъ ясной рѣкою,
Прозвенѣло въ померкшемъ лугу,
Прокатилось надъ рощей нѣмою,
Засвѣтилось на томъ берегу.

Далеко, въ полумракѣ, луками
Убѣгаетъ на западъ рѣка;
Погорѣвъ золотыми каймами,
Разлетѣлись, какъ дымъ, облака.

На пригоркѣ тó сыро, тó жарко,
Вздохи дня есть въ дыханьи ночномъ...
Но зарница ужь теплится ярко
Голубымъ и зеленымъ огнемъ.

XLVII.

МУЗА.

Не въ сумрачный чертогъ наяды говорливой
Пришла она плѣнять мой слухъ самолюбивый
Разсказомъ о щитахъ, герояхъ и коняхъ,
О шлемахъ кованыхъ и сломанныхъ мечахъ.
Скрывая низкій лобъ подъ вѣтвію лавровой,
Съ цитарой золотой, иль изъ кости слоновой,
Ни разу на моемъ не прилегла плечѣ
Богиня гордая въ разшитой епанчѣ.
Мнѣ слуха не ласкалъ языкъ ея могучій
И гибкій и простой и звучный безъ созвучій.
По волѣ Піеридъ съ достоинствомъ пѣвца
Я не мечталъ стяжать широкаго вѣнца.
О, нѣтъ! подъ дымкою ревнивой покрывала
Мнѣ музу молодость иную указала:
Отягощала прядь душистая волосъ
Головку дивную узломъ тяжелыхъ косъ;
Цвѣты послѣдніе въ рукѣ ея дрожали;
Отрывистая рѣчь была полна печали
И женской прихоти и серебристыхъ грезъ,

Невысказанныхъ мукъ и непонятныхъ слезъ.
Какой-то нѣгою томительной волнуемъ,
Я слушалъ, какъ слова встрѣчались съ поцалуемъ,
И долго безъ нея душа была больна
И несказаннаго стремленія полна.

XLVIII.

Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ,
Жизнью свѣжей дышетъ степь,
И кургановъ зеленѣетъ
Убѣгающая цѣпь.

И далеко межъ кургановъ
Темносѣрою змѣей
До блѣднѣющихъ тумановъ
Пролегаетъ путь родной.

Къ безотчетному веселью
Подымаясь въ небеса,
Сыплютъ съ неба трель за трелью
Вешнихъ птичекъ голоса.

XLIX

Послѣдній звукъ умолкъ въ лѣсу глухомъ,
Послѣдній лучь погаснулъ за горою...
О, скоро ли, въ безмолвіи ночномъ,
Прекрасный другъ, увижусь я съ тобою?

О, скоро ли младенческая рѣчь
Въ испугъ мое измѣнитъ ожиданье?
О, скоро ли къ груди моей прилечь
Ты поспѣшишь, вся трепетъ, вся желанье?

Скользитъ туманъ прозрачный надъ рѣкой,
Какъ твой покровъ свиваясь и бѣлѣя...
Часъ фей насталъ! Увижусь ли съ тобой
Я въ царствѣ фей, мечтательная фея?

Иль заодно съ тобой и ночь и мгла
Меня томятъ и нѣжатъ въ заблужденьи?
Иль эта страсть больная солгала
И жаръ ночной потухнетъ въ пѣснопѣньи?

L.

Въ пору любви, мечты, свободы,
Въ мерцаньи розоваго дня,
Языкъ душевной непогоды
Былъ непонятенъ для меня.

Я забавлялся надъ словами:
Что будто по душѣ иной
Проходитъ злоба полосами,
Какъ тѣнь отъ тучи громовой.

Настало время отрезвляться —
И долгъ велѣлъ: въ нѣмой борьбѣ
На встрѣчу людямъ улыбаться,
А горе подавлять въ себѣ.

Я побѣждалъ. Въ душѣ сокрыта,
Бѣда спала... Но зналъ ли я,
Какъ живуча, какъ ядовита
Эдема старая змѣя!

Находятъ дни : съ самимъ собою
Бороться сердцу тяжело...
И духа злобы надъ душою
Я слышу тяжкое крыло.

LI.

ИВА.

Сядемъ здѣсь, у этой ивы.
Что за чудные извивы
На корѣ вокругъ дупла!
А подъ ивой какъ красивы
Золотые переливы
Струй дрожащаго стекла!

Вѣтви сочныя дугою
Перегнулись надъ водою,
Какъ зеленый водопадъ;
Какъ живые, какъ иглою,
Будто споря межъ собою,
Листья воду бороздятъ.

Въ этомъ зеркалѣ подъ ивой
Уловилъ мой глазъ ревнивый
Сердцу милыя черты...
Мягче взоръ твой горделивый..
Я дрожу, глядя, счастливый
Какъ въ водѣ дрожишь и ты.

LII.

О другъ! Не мучь меня жестокимъ приговоромъ!
Я оскорбить тебя минувшимъ не хочу.
Оно плѣнительнымъ промчалось метеоромъ...
Съ твоимъ я встрѣтиться робѣлъ и жаждалъ взоромъ
И приходилъ молчать. Я и теперь молчу.

Добра и красоты въ чертахъ твоихъ слiянье
По прежнему еще мой подкупаетъ умъ.
Я вижу — вотъ оно, то нѣжное созданье,
Къ которому я несъ весь пылъ, все упованье
Безумныхъ, радостныхъ, невысказанныхъ думъ.

Но помнишь ли? Весной гремѣла пѣснь лѣсная
И кликалъ соловей серебряные сны...
Теперь душистѣй лѣсъ, пышнѣе тѣнь ночная,
И хочетъ соловей запѣть какъ утромъ мая...
Но робко такъ не пѣлъ онъ въ первый день весны.

LIII.

ПРИМѢТЫ.

И тихо и свѣтло — до сумерекъ далеко;
Какъ въ дымкѣ голубой и небо и вода...
Лишь облаковъ густыхъ съ заката до востока
Лѣниво тянется лиловая гряда.

Да, тихо и свѣтло... но ухомъ напряженнымъ
Смятенья и тоски ты крики разгадалъ:
То чайки скликались надъ моремъ усыпленнымъ
И въ воздухѣ кружась, летятъ къ навѣсамъ скалъ.

Ночь будетъ страшная и буря будетъ злая,
Сольются въ мракъ и гулъ и небо и земля...
А завтра, можетъ быть, вотъ здѣсь волна сѣдая
На берегъ выброситъ обломки корабля.

LIV.

Какіе то носятся звуки
И льнутъ къ моему изголовью…
Полны они томной разлуки,
Дрожатъ небывалой любовью.

Казалось бы… чтожъ? Отзвучала
Послѣдняя нѣжная ласка,
По улицѣ пыль пробѣжала,
Почтовая скрылась коляска…

И только… Но пѣсня разлуки
Несбыточной дразнитъ любовью,
И носятся свѣтлые звуки
И льнутъ къ моему изголовью.

LV.

РЕВЕЛЬ.

(ПОСЛѢ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ФРЕЙШИЦА).

Театръ во мглѣ затихъ. Агата
Въ объятьяхъ нѣжнаго стрѣлка.
Еще напѣвами объята
Душа свѣтла — и жизнь легка.

Все спитъ. Надъ тѣснымъ переулкомъ,
Какъ рѣчка блещутъ небеса,
Умолкъ на перекресткѣ гулкомъ
Далекій грохотъ колеса.

И съ каждымъ шагомъ городъ душный
Передо мной стѣсняетъ даль;
Лишь тамъ на высотѣ воздушной
Блеститъ балконъ, поетъ рояль...

И съ переливомъ серебристымъ,
Съ лучемъ, просящимся во тьму,
Летитъ твой голосъ къ звѣздамъ чистымъ,
И вторитъ сердцу моему.

LVI.

ПЕРВЫЙ ЛАНДЫШЪ.

О первый ландышъ! Изъ подъ снѣга
Ты просишь солнечныхъ лучей;
Какая дѣвственная нѣга
Въ душистой чистотѣ твоей!

Какъ первый лучь весенній ярокъ!
Какіе въ немъ нисходятъ сны!
Какъ ты плѣнителенъ, подарокъ
Воспламеняющей весны!

Такъ дѣва въ первый разъ вздыхаетъ
О чемъ? неясно ей самой....
И робкій вздохъ благоухаетъ
Избыткомъ жизни молодой.

LVII.

ПАРОХОДЪ.

Злой дельфинъ, ты просишь ходу,
Ноздри пышутъ, паръ валитъ,
Сердце мощное кипитъ,
Лапы съ шумомъ роютъ воду.

Не лишай родной земли
Этой дѣвы, этой розы,
Погоди, прощанья слезы
Вдохновенныя продли!

Но напрасно... Конь морской,
Ты понесся быстрой птицей —
Только пляшутъ вереницей
Нереиды за тобой.

LVIII.

ЗНАКОМКѢ СЪ ЮГА.

На Сѣверъ грустный съ пламеннаго Юга,
Прекрасныхъ дней прекрасная подруга,
Ты мнѣ привѣтъ отрадный принесла.
Но холодомъ полночнымъ все убило,
Что сердце тамъ такъ искренно любило
И чѣмъ душа такъ радостно цвѣла.

О, какъ бы я на милый зовъ отвѣтилъ
Тамъ, гдѣ луны встающій дискъ такъ свѣтелъ,
Гдѣ солнца блескъ живителенъ и жгучь,
Гдѣ дышетъ ночь невыразимой тайной,
И теплятся надъ спящею Украйной
Въ лучахъ лазурныхъ звѣзды изъ за тучь.

И грезитъ прудъ и дремлетъ тополь сонный,
Вдоль тучь скользя вершиной заостренной,
Гдѣ воздухъ, свѣтъ и думы заодно́ —
И грудь дрожитъ отъ страсти неминучей,
И вѣткою все просится пахучей
Акація въ раскрытое окно.

LIX.

Вчера, увѣнчана душистыми цвѣтами
Смотрѣла долго ты въ зеркальное окно,
На небо синее, горѣвшее звѣздами,
Въ аллею тополей съ дрожащими листами,
Въ аллею, гдѣ вдали такъ страшно и темно.

Забыла, можетъ-быть, ты за собою въ залѣ
И яркій блескъ свѣчей и нѣжныя слова...
Когда помчался вальсъ и струны рокотали —
Я видѣлъ — вся въ цвѣтахъ, исполнена печали,
Къ плечу слегка твоя склонилась голова.

Не думала ли ты: «Вонъ тамъ, въ бесѣдкѣ дальней,
«На мраморной скамьѣ теперь онъ ждетъ меня
«Подъ сумракомъ деревъ, ревнивый и печальный:
«Онъ взоры утомилъ, смотря на вихорь бальный,
«И ловитъ тѣнь мою въ сіяніи огня.»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЭЛЕГІИ.

Стр.

1. «О долго буду я въ молчаньи ночи тайной» . . 1
2. «Когда мои мечты за гранью прошлыхъ дней» . . 2
3. «Когда мечтательно я преданъ тишинѣ» 3
4. «Постой! здѣсь хорошо! Зубчатой и широкой» . 4
5. «Странное чувство какое-то въ нѣсколько дней овладѣло» 5
6. «Я знаю, гордая, ты любишь самовластье» . . . 7
7. «Ея не знаетъ свѣтъ; она еще ребенокъ» . . . 8
8. «Эхъ шутка-молодость!. Какъ новый ранній снѣгъ». 9
9. «Лозы мои за окномъ разрослись живописно и даже» 10
10. «Не говори, мой другъ: она меня забудетъ» . . 11
11. «Не спится. Дай зажгу свѣчу. Къ чему читать». 13

ПОДРАЖАНІЯ ВОСТОЧНОМУ.

12. «Я люблю его жарко; онъ тигромъ въ бою» . . 17
13. «Не дивись, что я черна» 18

КЪ ОФЕЛІИ.

Стр.
14. «Не здѣсь ли ты легкою тѣнью» 23
15. «Я боленъ, Офелія, милый мой другъ» 24
16. «Какъ Ангелъ неба безмятежный» 25

СНѢГА.

17. «На пажитяхъ нѣмыхъ люблю въ морозъ трескучій» 29
18. «Знаю я, что ты, малютка» 30
19. «Вотъ утро сѣвера, сонливое, скупое». 31
20. «Печальная береза» 32
21. «Котъ поетъ глаза прищуря» 33
22. «Чудная картина» 34
23. «Ночь свѣтла, морозъ сіяетъ» 35
24. «На двойномъ стеклѣ узоры» 36

ГАДАНІЯ.

25. «Зеркало въ зеркало, съ трепетнымъ лепетомъ» . 39
26. «Полно смѣяться! Что это съ вами?» 40
27. «Помню я, старушка няня» 41
28. «Перекрестокъ, гдѣ ракитка» 42

МЕЛОДІИ.

29. «Не отходи отъ меня» 45
30. «Тихая, звѣздная ночь» 46
31. «Буря на небѣ вечернемъ». 47
32. Nocturno 48

Стр.

33. «Теплымъ вѣтромъ потянуло» 49
34. «Если зимнее небо звѣздами горитъ» 50
35. «Полуночные образы рѣютъ» 51
36. «Я долго стоялъ неподвижно» 52
37. «Шумѣла полночная вьюга» 53
38. «Улыбка томительной скуки» 54
39. Серенада 55
40. «За кормою струйки вьются» 56
41. Изъ Байрона 57
42. Фантазія 58
43. «Недвижныя очи, безумныя очи» 60
44. «Какъ мошки зарею» 61
45. «Спи, еще зарею» 62
46. «Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ» . . 63

ВЕЧЕРА И НОЧИ.

47. «Право отъ полной души я благодаренъ сосѣду». 67
48. «Вдали огонекъ за рѣкою» 68
49. «Я люблю многое, близкое сердцу» 69
50. «Скучно мнѣ вѣчно болтать о томъ, что высоко, прекрасно» 71
51. «Я жду... Соловьиное эхо» 72
52. «Здравствуй! тысяча разъ мой привѣтъ тебѣ, ночь». 73
53. «Другъ мой, безсильны слова, одни поцалуи всесильны» 74
54. «Ночью какъ-то вольнѣе дышать мнѣ» 75
55. «Радъ я дождю. Отъ него тучнѣетъ мягкое поле». 77
56. «Слышишь ли ты, какъ шумитъ вверху угловатое стадо» 79

Стр.

57. «Каждое чувство бываетъ понятнѣй мнѣ ночью и каждый» 80
58. «Лѣтній вечеръ тихъ и ясенъ» 81
59. «Любо мнѣ въ комнатѣ ночью стоять у окошка въ потемкахъ» 82
60. «Шопотъ, робкое дыханье» 83

БАЛЛАДЫ.

61. Тайна 87
62. Воротъ 89
63 «На дворѣ не слышно вьюги» 91
64. Легенда 93

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

65. «Тамъ, подъ оливами, близь шумнаго каскада» 99
66. Вакханка 100
67. Діана 101
68. «Влажное ложе покинувши, Фебъ златокудрый направилъ» 102
69. Кусокъ мрамора 104
70. «Съ корзиной, полною цвѣтовъ на головѣ» . . . 105
71. Подражаніе XVI идилліи Біона 106
72. Къ юношѣ 107
73. «Питомецъ радости, покорный наслажденью» . . 108
74. «Въ златомъ сіяніи лампады полусонной» . . . 110
75. «Уснуло озеро; безмолвенъ чорный лѣсъ» . . . 111
76. Къ красавцу 112
77. Сонъ и Пазифая 113
78. Споръ 114

Стр.

79. Амимона 116
80. На смерть попугая 118

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

81. «Владычица Сіона, предъ тобою» 125
82. Мадонна 126
83. Москва 127
84. Хандра. 1. «Непогода, осень, куришь» 128
85. — 2. «Не ворчи, мой котъ мурлыка» . . 129
86. Венеція ночью 130
87. «Ужъ верба вся пушистая» 131
88. Посвященіе къ Фаусту 132
89. «Полно спать, тебѣ двѣ розы» 134
90. Б . . . . . мъ 135
91. Колыбельная пѣснь сердцу 136
92. «Еще весна; какъ будто неземной» 139
93. «О не зови! страстей твоихъ такъ звонокъ» . . . 140
94. «Я пришолъ къ тебѣ съ привѣтомъ» 141
95. «Облакомъ волнистымъ» 142
96. «На зарѣ ты ея не буди» 143
97. «Люблю я пріютъ вашъ печальный» 145
98. «Ахъ, дитя, къ тебѣ привязанъ» 147
99. Узникъ 148
100. Изъ Гейне. 1. «Ланитой къ ланитѣ моей приложись» 149
101. — 2. «Дитя! мои пѣсни далеко» . . 150
102. — 3. «Желтѣетъ древесная зелень» . 152
103. — 4. Посейдонъ 153
104. «Люди спятъ, мой другъ, пойдемъ въ тѣнистый садъ» 156

Стр.

105. «Растутъ, растутъ причудливыя тѣни» 157
106. На Днѣпрѣ въ половодье 158
107. «Еще весны душистой нѣга» 160
108. «Ночь весенней нѣгой дышетъ» 161
109. «Жди яснаго на завтра дня» 162
110. «Какъ здѣсь свѣжо подъ липою густою» . . . 163
111. «Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ протянулъ». 164
112. Осень 166
113. Сосны 168
114. Больной 169
115. Въ саду 170
116. Памяти Д. Л. Крюкова 172
117. «Въ долгія ночи, какъ вѣжды на сонъ не сомкнуты» 173
118. Морской заливъ 174
119. «Не спрашивай, надъ чѣмъ задумываюсь я» . . 175
120. Первая борозда 177
121. «Ты расточительна на милыя слова» 178
122. Лѣсъ 179
123. «Какое счастіе: и ночь и мы одни» 180
124. Степь вечеромъ 181
125. Пчелы 183
126. «Что за ночь! Прозрачный воздухъ скованъ». . 184
127. Старый паркъ 185
128. Весенія мысли 187
129. Весна на дворѣ 188
130. Вечеръ 189
131. Муза 190
132. «Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ» 192
133. «Послѣдній звукъ замолкъ въ лѣсу глухомъ». . 193
134. «Въ пору любви, мечты, свободы» 194

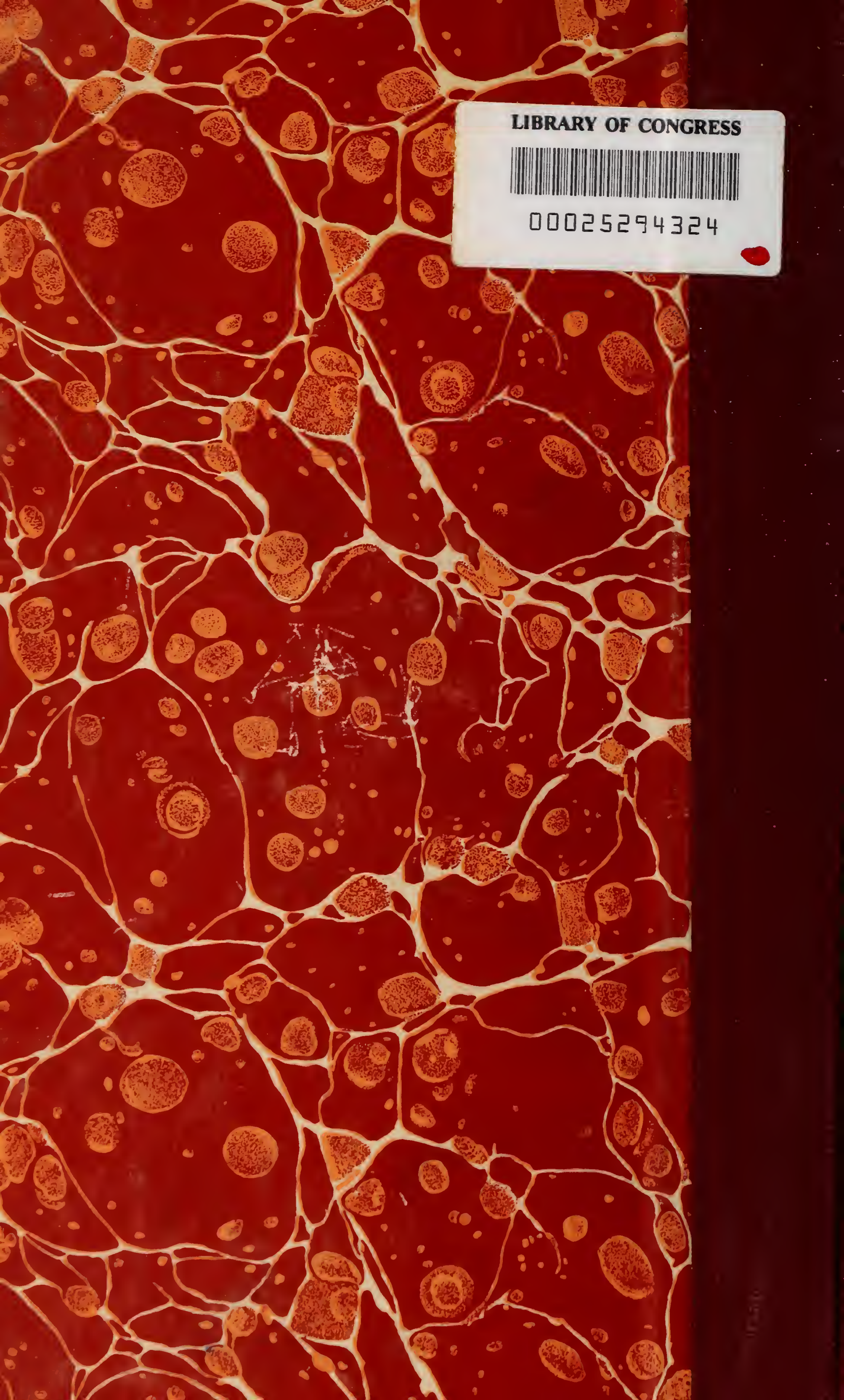
Стр.

135. Ива. 196
136. «О другъ! не мучь меня жестокимъ приговоромъ!» 197
137. Примѣты 198
138. «Какіе-то носятся звуки» 199
139. Ревель 200
140. Первый ландышъ. 201
141. Пароходъ 202
142. Знакомкѣ съ юга 203
143. «Вчера, увѣнчана душистыми цвѣтами» 204

ОПЕЧАТКИ.

—

Страница:	*Строка:*	*Вмѣсто:*	*Читай:*
17	5	странникъ, простой иль купецъ	странникъ простой, иль купецъ.
116	3	вдали голубой	въ дали голубой,
153	11	Моремъ шумящимъ страницъ	Моремъ шумящихъ страницъ
169	4	Его томилъ напѣвъ	Его дразнилъ на-пѣвъ

LIBRARY OF CONGRESS
00025294324